Алла Георгиева

Мама сегодня не придёт

18+

Алла Георгиева

Мама сегодня не придёт

«Автор»
2026

Георгиева А.

Мама сегодня не придёт / А. Георгиева — «Автор», 2026

Она хотела подарить своим детям дом. Вместо этого получила тюремный срок.Алина Воронцова – риелтор, юрист. Годами сопровождала чужие сделки, но собственная покупка дома обернулась уголовным делом. Впереди теперь СИЗО, этапы, колония и мир, в котором даже самые простые человеческие желания становятся недоступной роскошью. И чтобы там защитить себя, девушке, привыкшей жить по закону, приходится принимать правила тюремного мира. Она пишет ходатайства, превращает судебные процедуры в абсурд, использует систему против неё самой.Она узнает, сколько стоит звонок домой, почему взрослые люди плачут от обычного письма, как предают те, кому доверял, и как совершенно чужой человек неожиданно может стать близким.Старший сын знает правду, а младшему говорят, что мама уехала в командировку. Но самое страшное - не потеря свободы. Самое страшное - знать, что твой ребёнок ждёт тебя. Сегодня. Завтра. Каждый день. И снова спрашивает: «А мама сегодня придёт?»

© Георгиева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. До приговора 5
Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 26
Глава 5 32
Глава 6 39
Глава 7 44
Глава 8 48
ЧАСТЬ II. По ту сторону свободы 51
Глава 9 51
Глава 10 54
Глава 11 57
Глава 12 65
Глава 13 70
Глава 14 73
Глава 15 80
Глава 16 86
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Алла Георгиева
Мама сегодня не придёт

Часть первая. До приговора

Глава 1
Пятнадцать квадратных метров до счастья

Алина Воронцова никогда не считала себя человеком, которому должно быть легко. Но она была уверена: если много работать, думать головой и не ждать, пока кто-нибудь решит твои проблемы, из любой жизненной ситуации можно найти выход.

На первый взгляд в ней вообще трудно было разглядеть ту жёсткость, которая проявлялась, когда становилось действительно тяжело.

Алине было немного за тридцать. Невысокая, стройная, женственная, с живым лицом и внимательным взглядом. Она любила хорошо выглядеть, следила за собой, умела носить и деловую одежду, и простые джинсы так, будто в первую очередь ей самой должно быть удобно в собственном теле.

Но главным в её внешности были не одежда и не черты лица. Глаза. Алина смотрела прямо. Когда слушала человека, действительно слушала. Когда не верила — это тоже быстро становилось понятно по взгляду. Она могла промолчать, но лицо плохо умело притворяться. В ней вообще странным образом сочетались мягкость и упрямство.

Она могла растрогаться из-за ребёнка, пожалеть совершенно чужого человека, отдать своё, если видела, что кому-то нужнее. А через пять минут так вцепиться в вопрос, который считала принципиальным, что переубедить её становилось почти невозможно.

Особенно плохо она переносила несправедливость. И ещё хуже — когда с ней разговаривали сверху вниз.

Возраст, должность, форма, деньги сами по себе не производили на неё большого впечатления. Если Алина считала человека правым — могла прислушаться. Если считала неправым — начинала спорить.

Иногда это помогало ей. Иногда дорого обходилось.

Позже судья скажет её матери всего три слова:

— Ваша дочь упрямая.

Он попадёт точно.

Только сама Алина называла это иначе. Не упрямством. Привычкой не сдаваться, пока ещё можно что-то сделать.

Так она жила и раньше. После развода не стала ждать, когда бывший муж вспомнит, что у него есть ребёнок. Не стала ждать, когда кто-нибудь найдёт ей жильё получше. Не стала ждать, когда появятся лишние деньги.

Работала.

Училась.

Занималась сыном.

Осваивала недвижимость.

Получала юридическое образование. Если не знала — разбиралась. Если не получалось — пробовала ещё раз. Если перед ней закрывали дверь — искала другую. Наверное, поэтому ей так долго казалось, что любую проблему можно решить, если достаточно настойчиво искать

выход. Она ещё не знала, что однажды перед ней закроется дверь, которую она не сможет открыть, как бы ни старалась…

Жизнь довольно рано дала ей возможность проверить эту теорию на практике.

После первого развода Алина осталась с пятилетним сыном Кириллом и комнатой в московской коммуналке. Половина комнаты принадлежала ей. Половина — Кириллу. Пятнадцать квадратных метров на двоих.

Вот, собственно, и всё, с чего ей предстояло начинать новую жизнь.

Ни отдельной квартиры. Ни человека рядом, на которого можно переложить половину забот. Ни ощущения, что сейчас кто-нибудь придёт и скажет: «Не переживай, я всё решу».

Была она.

Пятилетний мальчик.

И пятнадцать квадратных метров, которые нужно было каким-то образом превратить в дом.

Кирилл рос любознательным, подвижным и удивительно рассудительным для своего возраста. Он любил задавать вопросы, на которые не всегда находился ответ, мог часами возиться с машинками и придумывать целые истории со своими игрушками. Иногда рассуждал с такой серьёзностью, что Алина не могла удержаться от смеха.

В нём удивительным образом сочетались детская непосредственность и какая-то ранняя самостоятельность. Он уже понимал, что мама много работает, часто устаёт, но никогда не отказывает ему во внимании. Алина старалась, чтобы сын не чувствовал себя обделённым из-за того, что отец больше не живёт с ними.

Кирилл был для неё не просто сыном. Он был тем человеком, ради которого она каждое утро вставала, даже когда сил, казалось, совсем не оставалось.

***

Комната была убитая. Не в том смысле, когда жильё просто давно не видело ремонта. Здесь казалось, что ремонт не делали столько лет, сколько существовал сам дом.

На полу когда-то была краска. Теперь от неё остались отдельные затёртые островки. В проходных местах она слезла почти полностью, обнажив старые деревянные доски — тёмные, исцарапанные, местами рассохшиеся. Под ногами они отзывались скрипом.

В оконном стекле шла трещина. Сама рама была деревянная, старая, многократно перекрашенная. Зимой от неё тянуло холодом.

За дверью комнаты начиналась коммунальная жизнь.

На общей кухне стояла старая газовая плита. Над ней по углам висела паутина, серая от пыли. На стенах сохранились тяжёлые старые розетки ещё сталинских времён. Здесь постоянно кто-то готовил, спорил, занимал конфорку, оставлял посуду, выяснял отношения.

За стенами кашляли. Ругались. Включали телевизор. Хлопали дверями.

Кто-то занимал ванную. Кто-то возмущался оставленной кастрюлей. Кто-то считал, сколько времени сосед пользуется плитой.

Даже входная дверь держалась словно из последних сил. Старая, расшатанная, она едва закрывалась как следует. Алина иногда смотрела на неё и думала, что, если взрослый мужчина как следует ударит ногой, дверь просто вылетит вместе с замком.

На всё это она смотрела не с мыслью: «Как же мне не повезло».

Она думала: «Ладно. Значит, начнём отсюда».

И начала.

Со своего маленького пространства, которое ещё можно было изменить.

Она смотрела на свою комнату и не думала: «Как здесь можно жить?» Она думала иначе: «Я это сделаю».

Тогда она ещё не знала, сколько раз в жизни ей придётся произносить про себя эти слова.

***

Алина сделала ремонт сама — насколько хватило денег. Она вообще многое тогда делала сама. Отец ребёнка почти не участвовал в его жизни, и Алина старалась компенсировать сыну всё сразу. Иногда даже больше, чем могла себе позволить. Ей казалось: ребёнок не должен чувствовать, что после развода у него чего-то стало меньше.

Если деньги были — покупала. Если денег не было — думала, где взять. Наверное, со стороны это называлось баловать. Алина называла иначе: «У него и так нет нормальной семьи. Пусть хотя бы ни в чём не нуждается».

Она ещё не понимала, что ребёнок гораздо меньше думает о вещах, чем взрослые. Ему нужна была она.

К тому времени Кириллу исполнилось девять лет. Он подрос, стал самостоятельнее, но по-прежнему очень нуждался в мамином внимании.

И именно тогда появился Артём. Он был немного старше Алины. Обычный парень, без громких должностей, больших денег и далеко идущих планов. Никогда не был женат, детей у него не было. Работал, получал зарплату и жил от одной получки до другой. Особых накоплений не имел, зато и из себя никого не строил. Не обещал золотых гор, не рассказывал, каким успешным станет через несколько лет. Был простым, открытым человеком, с добродушным характером и умением радоваться самым обыкновенным вещам.

Внешне в нём тоже не было ничего показного. Одевался просто, не следил за модой, не стремился произвести впечатление. Зато умел рассмешить Алину, когда та возвращалась домой уставшая и раздражённая после очередного тяжёлого дня. Помогал.

Она была человеком действия. Постоянно что-то планировала, решала, зарабатывала, к чему-то стремилась. Артём относился к жизни спокойнее. Не хватал звёзд с неба и не особенно переживал по этому поводу. Иногда это её раздражало, иногда, наоборот, помогало остановиться и хоть ненадолго перестать обо всём беспокоиться.

Но главное — он любил Алину. Не за её успехи, не за умение зарабатывать или справляться с трудностями. Просто любил. И принимал её такой, какая она есть: со сложным характером, вечной занятостью, упрямством и привычкой всё решать самостоятельно.

И Кирилла принял сразу.

Не пытался изображать строгого отца, не требовал, чтобы мальчик называл его папой, не делал одолжения тем, что уделял ему внимание. Просто постепенно стал частью их маленькой семьи.

Сначала Артём только приходил. Потом стал оставаться на выходные.

Кирилл ждал его. Они играли, гуляли, возились с машинками. Артём мог часами заниматься с мальчиком тем, на что у Алины после работы просто не оставалось сил. И делал это не потому, что хотел понравиться его матери. Ему самому было интересно.

Алина смотрела на них и впервые за долгое время думала: «Может быть, всё ещё получится…»

Артём не был похож на мужчину, который способен одним решением избавить женщину от всех проблем. Да Алина такого и не искала. Она давно привыкла рассчитывать на себя.

Но рядом с ним ей впервые за долгое время не нужно было быть сильной каждую минуту.

Он просто был рядом.

Для неё это оказалось важнее цветов. Важнее красивых слов. Она смотрела, как Артём возится с её сыном, что-то объясняет ему, смеётся вместе с ним, и чувствовала, как постепенно отпускает напряжение, которое она так долго привыкла носить в себе.

Постепенно получилось «мы». Не по документам. По жизни…

Потом родился второй ребёнок… Ярик.

Когда младшему исполнилось два с половиной года, Алина всё чаще стала задумываться о собственном доме.

Ярик уже вовсю разговаривал, бегал за старшим братом, повторял за ним всё подряд и считал, что тоже имеет право участвовать в любых взрослых разговорах.

— Мам, а мне? — непременно спрашивал он, если Кириллу что-нибудь обещали.

— И тебе, мой хороший, и тебе, — смеялась Алина.

В пятнадцатиметровой комнате теперь жили четверо. Детские вещи, кровати, игрушки, документы Алины, сумки, стол, шкаф. Всё стояло друг на друге. Московская комната постепенно окончательно переставала быть домом. Она превращалась в коробку.

Ночью нужно было переступать через вещи, чтобы пройти.

Мальчишкам негде было развернуться. Кирилл мечтал о собственной комнате, а Ярик пока хотел только одного — чтобы мама всегда была рядом.

Алина смотрела на сыновей и всё чаще думала: им нужен настоящий дом. С двором, детскими комнатами, большой кухней и обычной семейной жизнью, в которой у каждого есть своё место.

— Нам нужен дом, — сказала она однажды Артёму.

Он посмотрел вокруг.

— Нужен.

Больших денег у Артёма не было. И маленьких тоже.

У Алины были накопления. И была комната.

Она решила продать её, добавить свои деньги и купить небольшой дом в Подмосковье.

Не особняк.

Не мечту из журнала.

Просто дом.

Чтобы у детей был двор. Чтобы никто не ругался на кухне. Чтобы можно было закрыть дверь — и за этой дверью была только твоя семья.

Она ещё не знала, что именно эта комната однажды приведёт её в камеру.

Именно эта мысль будет возвращаться к ней много раз. Особенно ночью. В камере. Как я, человек, который столько лет занимался чужой недвижимостью, умудрилась так разрушить собственную жизнь?

Но тогда никакой камеры ещё не было. Был дом. Они его нашли. И Алина влюбилась в него почти сразу.

Дом был старенький. Неказистый, с потёртыми полами, небольшими комнатами и участком, который давно просил заботливых рук.

Но Алина видела совсем другое.

Она видела, как утром открывает окно и впускает свежий воздух.

Как на кухне пахнет кофе.

Как дети бегают во дворе, а ей не нужно каждые пять минут одёргивать их, чтобы не шумели и не мешали соседям.

***

В ближайшие выходные они приехали посмотреть дом ещё раз. Уже всей семьёй.

Кирилл первым выскочил из машины и побежал к калитке.

— Мам! А здесь мы будем жить?

— Надеюсь, сынок.

— А у меня будет своя комната?

— Обязательно.

— И я смогу сам выбирать, куда поставить кровать?

— Даже обои сможешь выбрать.

— И мне! Мам, мне тоже! — вмешивался Ярик.

— И тебе, зайчик. У каждого будет своя комната.

— А ты где будешь?

— А я рядом.

— Всегда?

— Конечно, всегда.

Кирилл смотрел на неё тогда с таким восторгом, словно ему пообещали не отдельную комнату, а целый дворец.

Ярик был ещё маленьким. Ему было совершенно безразлично, сколько комнат в доме и кому какая достанется. Он сидел у Алины на руках, цеплялся пальчиками за её волосы.

Артём стоял рядом и наблюдал за ними.

— А мне комнату выделят? — спросил он с совершенно серьёзным видом.

— Тебе? — Алина задумалась. — Посмотрим на твоё поведение.

Кирилл расхохотался.

— Пап, будешь жить в гараже!

— Отлично. Только проведите мне туда электричество.

Они смеялись все вместе.

Потом долго ходили по дому, представляя, где что будет стоять. Алина уже мысленно переставляла мебель, подбирала шторы, прикидывала стоимость ремонта.

— Вот здесь поставим большой стол, — сказала она, остановившись на кухне. — Чтобы все вместе ужинали. Нормально, по-человечески. А не по очереди, как в коммуналке.

— А на Новый год ёлку куда? — спросил Кирилл.

— В самую большую комнату.

— До потолка?

— До потолка.

— Настоящую?

— Настоящую.

Он удовлетворённо кивнул. С таким видом, будто главный вопрос приобретения недвижимости был окончательно решён.

Алина смотрела на детей и улыбалась.

Ей хотелось дать им то, чего самой когда-то так не хватало. Простую, спокойную жизнь. Чтобы были семейные ужины, праздники, дни рождения. Чтобы дети приводили друзей, не стесняясь своего дома. Чтобы однажды Кирилл вырос, привёл сюда свою девушку и сказал: «Вот здесь я жил в детстве».

Чтобы они с Артёмом когда-нибудь состарились в этом доме. Сидели летом во дворе, пили чай и спорили о какой-нибудь ерунде.

Обыкновенные человеческие мечты.

Ничего особенного.

***

Перед отъездом они ещё немного посидели во дворе.

Кирилл нашёл палку и увлечённо чертил ею что-то на земле. Ярик уснул у Артёма на руках, смешно приоткрыв рот.

— Ну что, хозяйка? Берём? — спросил у Алины Артём о её решении.

Она посмотрела на дом.

— Берём.

— Работы тут много.

— Ничего, сделаем, — отвечала Алина.

Он улыбнулся и поцеловал её в висок.

Алина прижалась к нему, стараясь не разбудить Ярика.

Впервые за долгое время ей не хотелось никуда спешить. Не хотелось решать чужие проблемы, отвечать на звонки, считать деньги, доказывать, что она справится.

Она уже справилась.

Рядом был мужчина, которого она любила. Старший сын, который наконец-то получит свою комнату. Младший, у которого впереди целая жизнь.

И дом.

Пока ещё не оформленный на них, с чужими вещами и старой мебелью. Но Алина уже представляла его своим.

Она ещё не знала, сколько счастья может помещаться в одном обыкновенном воскресном дне.

И как однажды ей будет не хватать именно этого.

Не больших событий. Не дорогих подарков. Не праздников.

А возможности просто взять младшего сына на руки. Услышать, как старший зовёт её из соседней комнаты. Повернуться к мужу и сказать что-нибудь совершенно неважное.

И знать, что вечером они все будут дома.

Все четверо.

Глава 2
Цена одного решения

Покупателя на комнату нашли довольно быстро. Вернее, покупателей — семейную пару, Сергея и Светлану. Оба были немного старше Алины. Сергей — среднего роста, крепкого телосложения, с коротко стриженными волосами и спокойным, несколько сдержанным взглядом. Говорил неторопливо, предпочитал сначала выслушать собеседника, а уже потом задавать вопросы. Производил впечатление человека практичного, привыкшего считать деньги и не принимать поспешных решений.

Светлана была совсем другой. Невысокая, ухоженная, с живыми глазами и уверенными движениями. Она говорила больше мужа, быстро ориентировалась в разговоре и не стеснялась уточнять всё, что считала важным. Было заметно, что в их семье она привыкла принимать активное участие в решении финансовых вопросов.

Вместе они выглядели вполне благополучной парой. Не богачами, но людьми, которые умеют работать, откладывать деньги и думать о будущем.

Жить в комнате они не собирались. Хотели приобрести недвижимость для сдачи в аренду и получать дополнительный доход. Для них это была не покупка жилья, а вложение семейных накоплений.

На просмотре Сергей внимательно осмотрел комнату, поинтересовался деталями и размерами коммунальных платежей. Светлана больше расспрашивала о соседях, возможной арендной плате и документах.

Алина отвечала спокойно и подробно. Она привыкла иметь дело с покупателями и не увидела в этой паре ничего необычного.

Они поторговались, обсудили условия и довольно быстро пришли к соглашению.

Сергей и Светлана внесли большую сумму — почти всю стоимость комнаты.

Оформили предварительный договор.

При этом Алина ничего не скрывала от покупателей. Она сразу предупредила, что половина комнаты принадлежит её несовершеннолетнему сыну, а разрешение органов опеки на продажу ещё не получено.

Сергей и Светлана заверили её, что не торопятся с оформлением сделки и готовы подождать, пока она решит необходимые вопросы.

Алина была спокойна. Покупатели знали обо всех обстоятельствах, условия были согласованы, предварительный договор подписан.

Оставалось рассчитаться за тот самый дом, который они уже успели полюбить всей семьёй.

Его хозяин строил себе новое жильё, а старый родительский дом решил продать. Деньги ему требовались уже сейчас — на закупку строительных материалов. Поэтому он также настаивал на серьёзном авансе.

Алина взяла деньги, полученные от Сергея и Светланы, добавила собственные накопления и передала продавцу дома по предварительному договору. Практически всё, что у неё было, оказалось вложено в будущую семейную жизнь.

Основной договор купли-продажи ещё не был заключён, но по договорённости с продавцом семья уже получила ключи и переехала в дом.

Она не видела в этом ничего необычного. Подобные сделки были ей хорошо знакомы. Одни продавали, чтобы купить другое. Деньги переходили от покупателя к продавцу, договорённости закреплялись документами, а затем стороны завершали оформление.

Теперь у Кирилла и Ярика были отдельные комнаты, а у Алины — возможность, наконец, жить с семьёй без соседей за стеной и общей кухни.

Московская комната освободилась. Сергей и Светлана, передавшие Алине почти всю её стоимость, уже считали недвижимость практически своей. Несмотря на то, что право собственности по-прежнему было зарегистрировано за Алиной и Кириллом, они начали пускать в комнату арендаторов.

Всех устраивало такое положение дел. Алина с семьёй уже жила в доме, Сергей и Светлана получали доход от комнаты. Оставалось получить разрешение органов опеки и завершить оформление сделок.

Но именно с разрешением и возникли проблемы. Логика органов опеки была простой: ребёнок имеет собственность в Москве, а мать хочет перевезти его в область. Чиновники посчитали такую замену ухудшением имущественного положения ребёнка. И не имело значения, что вместо половины комнаты в коммуналке мальчик получал долю в целом доме, собственную комнату и возможность жить в нормальных условиях. Для органов опеки решающим оказалось одно: московская недвижимость менялась на подмосковную.

Алина пыталась объяснить:

— Он получает долю не в сарае. Это нормальный дом. Ребёнок будет жить в большом доме, у него будет своя отдельная комната, на участке — место для игр, своё пространство, не будет соседей на общей кухне и очереди в ванную по утрам.

Не помогло.

Она пошла в суд и выиграла его.

Но судебный процесс затянулся. За это время рынок недвижимости пошёл вниз.

Позже стороны подписали основной договор купли-продажи и зарегистрировали право собственности на дом.

Тем временем произошло ещё кое-что: Сергей и Светлана, считая комнату уже почти своей, начали сдавать её, не дожидаясь окончательного оформления сделки. Вскоре жильцы поссорились с соседями, а те потребовали от Сергея и Светланы предъявить документы, подтверждающие их право распоряжаться комнатой и сдавать её в аренду. Естественно, таких документов у супругов ещё не было.

После очередного конфликта соседи поменяли замки. Арендаторы больше не смогли попасть в комнату и потребовали вернуть уплаченные за проживание деньги.

Для Сергея и Светланы это стало неприятным сюрпризом. Они покупали комнату не для себя, а только для сдачи в аренду, у них была уже отдельная квартира. Рассчитывали, что вложенные деньги начнут приносить доход, причём без особых хлопот. Так делали многие их знакомые.

Но теперь выяснилось, что соседи вовсе не собираются мириться с постоянным присутствием посторонних людей. Сегодня они поссорились с одними жильцами, завтра могли поссориться с другими. И каждый новый конфликт грозил обернуться жалобами и очередным требованием вернуть арендную плату.

Сергей и Светлана начали понимать, что вместо спокойного источника дохода приобретают постоянную головную боль.

К тому же комната по-прежнему юридически принадлежала Алине и её сыну. Окончательная сделка ещё не состоялась, а проблемы уже начались.

Похоже, именно тогда супруги впервые всерьёз задумались, нужна ли им вообще такая недвижимость. Вкладывать деньги в комнату, которую потом придётся сдавать с постоянными конфликтами, им больше не хотелось. Гораздо проще было отказаться от покупки и поискать другой объект — без скандалов и сложностей с соседями.

И Сергей со Светланой пришли к Алине.

Но теперь уже не обсуждать сроки оформления сделки.

Они пришли требовать деньги обратно.

— Возвращай деньги, — сказали они.

— Какие деньги? Они внесены за дом, — парировала Алина.

— Нас это не касается.

Алина просила:

— Давайте закончим сделку. Суд с опекой я выиграла. Оформимся. Осталось ждать немного.

— Нет, — твердо стояли на своем Сергей со Светланой.

— Вы же комнату покупали.

— Уже не хотим. А раз денег нет, то выставляй её снова на продажу и деньги отдашь нам.

Алина замолчала.

— Что?

Она сразу поняла, чем это пахнет.

Алина знала, что двойная продажа одного и того же объекта сама по себе ещё не означает мошенничество. Но если взять деньги у одного покупателя, а затем продать тот же объект другому, со стороны это легко может выглядеть совсем иначе — как будто продавец изначально собирался получить деньги от нескольких людей за одну и ту же недвижимость.

И потом уже придётся доказывать, что никакого преступного умысла не было. Что первый покупатель сам предложил найти другого. Что деньги никто не собирался похищать. Что это был способ выйти из сложившейся ситуации, а не заранее придуманная схема.

Алина слишком хорошо понимала: одно дело — знать, как всё происходило на самом деле. И совсем другое — как эта же история будет выглядеть на бумаге в материалах уголовного дела.

Поэтому она ответила сразу:

— Нет. Я так делать не буду.

— Почему?

— Потому что потом вы скажете, что я продала одну комнату два раза.

— Мы сами тебе предлагаем, поэтому проблем не будет.

— Сегодня предлагаете. А завтра что? Какие у меня гарантии?

Она работала в агентстве недвижимости, занималась продажей квартир, комнат и сопровождением сделок. Она получила юридическое образование, уже не раз участвовала в судебных заседаниях и хорошо разбиралась в договорах, понимая, насколько по-разному может выглядеть одна и та же история, когда её начинают рассказывать в полиции.

Поэтому следующую встречу она назначила в офисе. И включила диктофон. Для себя. Для защиты. Она хотела, чтобы потом никто не сказал: «Мы такого не предлагали».

Покупатели пришли.

Сели.

Алина ещё раз проговорила ситуацию. Задала вопрос — почему те отказываются от сделки? И какие альтернативные варианты они видят?

Сергей со Светланой предложили продажу комнаты новому покупателю, а полученные от продажи деньги — вернуть им.

Алина задавала вопросы специально.

Чётко.

Как юрист.

Как человек, который чувствовал риск и хотел зафиксировать смысл разговора.

Запись сохранилась. Именно она потом станет для Алины почти навязчивой мыслью. Там же всё есть. Почему это никто не слышит?…

К тому времени, когда Алина по предложению покупателей снова выставила комнату на продажу, рынок уже был совсем другим. Цены пошли вниз. Причём не на символические

несколько процентов, которые можно было бы переждать или попытаться компенсировать торгом. Недвижимость подешевела заметно.

Та сумма, за которую ещё недавно Сергей и Светлана были готовы купить комнату, теперь казалась завышенной.

Покупатели смотрели, сравнивали объявления, торговались и уходили.

Алина сначала пыталась держать прежнюю цену.

Неделю.

Потом ещё.

Звонков было мало.

На просмотрах люди заходили, оглядывали комнату, спрашивали про коммунальную квартиру, соседей, документы.

— Дорого, — говорили почти все.

— Но ещё недавно такие комнаты столько и стоили.

— Недавно — да. Сейчас нет.

Рынок не интересовало, сколько Алина должна Сергею и Светлане.

У рынка вообще не было ни памяти, ни сочувствия.

Вчера квартира или комната могла стоить одну сумму. Сегодня — другую. И никакими договорами, обещаниями и человеческими проблемами цену было не удержать.

А Сергей со Светланой торопили.

— Продавай.

— Я продаю.

— Значит, снижай цену.

— Если я снижу, денег не хватит, чтобы полностью с вами рассчитаться.

— Нас это не касается.

Эту фразу Алина в последнее время слышала от них всё чаще. Нас это не касается. Не касается падение рынка. Не касается того, что деньги уже переданы за дом. Не касается суд с опекой. Не касается того, что они сами отказались завершать сделку. Им нужны были деньги. Все.

После нескольких недель безуспешных поисков нашлась покупательница — Людмила Васильевна Рыбалко. Цена, которую она согласилась заплатить за комнату, уже соответствовала новому рынку. Она была значительно ниже той суммы, которую когда-то передали Сергей и Светлана. Алина это понимала. Но выбора становилось всё меньше. Можно было продолжать ждать. Месяц. Два. Полгода. Только никто не мог сказать, вернутся ли цены обратно.

А Сергей и Светлана ждать не собирались. Поэтому комната была продана Людмиле Васильевне.

Когда деньги оказались у Алины, она позвонила первым покупателям.

— Комнату продала. Деньги получила. Можете забрать.

На том конце возникла пауза.

— Сколько?

Алина назвала сумму.

— А остальное?

— Какое остальное?

— Разница. Мы же тебе передавали больше.

Алина замолчала. Она прекрасно понимала, о чём речь.

— Остального нет.

— В смысле нет?

— В прямом. Комната сейчас столько и стоит. Я продала её по рынку.

— Ты должна вернуть нам столько, сколько получила от нас.

— Но я могу вернуть вам только ту сумму, которой располагаю. Вы же всё равно будете покупать комнату, просто в другом месте. Вам этой суммы вполне хватит.

— Нет, нам нужно столько, сколько ты получила от нас. Алина!

— Её нет.

— Найди.

Алина почувствовала, как начинает злиться.

— Где?

— Это уже твои проблемы.

— Нет, подождите. Вы сами отказались от сделки. Вы сами сказали продать комнату другому человеку. За это время рынок упал. Почему теперь я должна из своего кармана оплачивать разницу?

— Потому что мы дали тебе больше.

— Я этого не отрицаю.

— Значит, верни столько, сколько взяла!

— Я предлагаю вам всё, что получила от продажи.

— Нам часть не нужна.

Алина не поверила.

— В каком смысле не нужна?

— Либо возвращай всю сумму, либо ничего.

Она даже переспросила:

— То есть деньги, которые есть сейчас, вы не возьмёте?

— Нет. Ищи остальное и отдашь всё вместе.

Алина положила телефон и долго сидела молча. По её логике всё было просто. Есть деньги от повторной продажи — заберите. Разница останется долгом. Можно обсуждать сроки. Можно составить соглашение. Можно возвращать частями. Можно спорить о том, кто вообще должен нести последствия падения рынка. Но отказаться от денег, которые уже есть, и требовать только всю сумму целиком — этого она понять не могла.

Через некоторое время разговор повторялся.

— Возьми кредит, — предлагал Сергей.

— Я не буду брать кредит.

— Почему?

— Потому что я не считаю, что должна оплачивать падение рынка. Вы тоже виноваты, что отказались от сделки. Вам не надо было сдавать комнату, не дождавшись оформления.

— Ты получила от нас деньги.

— И я предлагаю вернуть вам их. То, что я получила от новой продажи. На эту сумму вы купите такую же комнату и будете ее сдавать. А иначе вы поступаете нечестно.

— Нам нужны все.

— А я вам объясняю: всех сейчас нет.

— Тогда ищи.

Вот здесь Алина упёрлась. Позже судья скажет о ней коротко: «Ваша дочь упрямая». Алина же предпочитала называть это принципиальностью.

Она считала, что уже пошла покупателям навстречу. Они отказались от комнаты. Предложили найти нового покупателя. Она нашла. Продала. Причём сделка была настоящей. Покупательница — посторонний человек, цена — рыночная. Никакой фиктивности, никаких искусственно заниженных сумм. Продала за столько, сколько в тот момент за неё реально был готов заплатить рынок. Полученные деньги она была готова передать Сергею и Светлане.

Но искать недостающую разницу, занимать у знакомых, брать кредит или влезать ещё в один долг Алина отказалась.

— Нет, — сказала она. — Я этого делать не буду.

Ей казалось это справедливым.

Если бы Сергей и Светлана не отказались от сделки, комната уже принадлежала бы им. По той самой цене, о которой они договорились изначально. Но они отказались. И успели её ещё сдавать, получать с этого доход.

Почему весь убыток теперь должна была взять на себя только она? Так рассуждала Алина.

Она ведь не заставляла отказываться от сделки. Напротив, была готова довести её до конца. Суд с органами опеки выиграла, дождалась решения суда. Оставалось оформить документы и передать комнату покупателям.

Но Сергей и Светлана сами передумали. Сначала согласились ждать, потом начали сдавать комнату ещё до оформления права собственности, столкнулись с соседями и решили, что такая недвижимость им больше не нужна.

Алина понимала их недовольство. Они рассчитывали получать доход, а вместо этого получили проблемы. Но разве она отвечала за отношения будущих арендаторов с соседями? И разве падение рынка произошло по её вине?

Её особенно возмущало другое. Когда комната стоила дороже, покупателей всё устраивало. Когда цены упали, разницу предложили покрыть ей. Получалось, что решение отказаться от покупки принимали они, а расплачиваться за него должна была Алина.

Она нашла другого покупателя. Настоящего. По реальной рыночной цене. И была готова отдать все полученные деньги.

Что ещё я должна сделать? — думала она. Взять кредит? Залезть в долги? Отдать последнее, чтобы компенсировать людям последствия их собственного решения?

Нет. С этим она согласиться не могла.

При этом Алина не отрицала, что получила от Сергея и Светланы большую сумму и что вернуть её полностью пока не могла.

Но для Алины существовала принципиальная разница между долгом, который можно постепенно погасить, и требованием немедленно возместить убыток, который, как она считала, возник не по её вине.

Она предлагала рассчитаться тем, что получила от повторной продажи, а оставшуюся разницу обсудить отдельно. Сергей и Светлана хотели всё и сразу.

И чем настойчивее они требовали, тем сильнее Алина упиралась.

Возможно, именно здесь она совершала одну из самых больших ошибок. Не юридических даже. Человеческих.

Она настолько сосредоточилась на вопросе, кто прав, что постепенно перестала думать о том, чем может закончиться сам конфликт.

Сергей и Светлана смотрели иначе. Для них всё было гораздо проще: они отдали одну сумму, а обратно им предлагали значительно меньше.

И каждая сторона с этого момента считала несправедливостью совершенно разное. Алина — требование найти недостающие деньги. Сергей и Светлана — сам факт того, что этих денег больше нет. Они отказались принимать меньшую сумму. Алина отказалась искать разницу. Именно в этой точке возможность договориться окончательно начала исчезать.

Позже Алина много раз будет возвращаться мыслями к этому разговору. Будет думать: «А если бы они тогда взяли деньги?» И следом — гораздо более страшное: «А если бы я тогда всё-таки нашла остальное?»

Но у любого прошлого есть одна жестокая особенность. Когда уже знаешь, чем всё закончилось, правильные решения кажутся очевидными.

В тот момент они очевидными не были.

Тогда Алина ещё не знала, что разница между старой и новой ценой комнаты окажется для неё гораздо дороже самой этой разницы.

Глава 3
Цена чужих сбережений

Второй покупатель — Людмила Васильевна Рыбалко, не была инвестором. Не покупала недвижимость на перепродажу. Не считала доходность квадратного метра и не рассуждала о том, куда пойдёт рынок через полгода.

Ей просто нужна была своя недвижимость. И деньги на неё достались ей тяжело.

Очень тяжело.

Людмила Васильевна много лет торговала на рынке.

Начинала с овощей и фруктов. Потом поняла, насколько это хлопотный товар: сегодня помидоры крепкие, налитые, так и просятся на прилавок, завтра начинают терять товарный вид, а послезавтра часть уже приходится выбрасывать. Постепенно перешла на сухофрукты, орехи, специи, восточные сладости.

Товар был дороже, зато хранился дольше. Можно было покупать крупным оптом, самой расфасовывать и продавать в розницу. Если всё правильно рассчитать, заработать удавалось больше. Но слово «заработать» в её случае никогда не означало просто постоять за прилавком несколько часов.

День начинался ещё ночью. Будильник звонил около четырёх. Иногда в половине четвёртого. Особенно перед выходными, когда нужно было успеть раньше других торговцев, пока лучший товар ещё не разобрали.

Людмила Васильевна вставала в темноте, стараясь не шуметь. На кухне быстро пила чай. Иногда успевала съесть бутерброд. Иногда нет.

Муж уже одевался.

— Поехали?

— Поехали.

Машина была старая. Не грузовая — обычная, но багажник и задние сиденья давно использовались так, словно автомобиль вообще покупали исключительно для рынка.

Сначала ехали на оптовую базу. Зимой ещё темно. Летом уже начинало светать.

Там совсем другая жизнь.

Пока большая часть города спит, люди торгуются, разгружают машины, считают коробки, перетаскивают мешки, ругаются из-за цены, проверяют товар под жёлтым светом фонарей.

Людмила Васильевна ходила между рядами быстро.

Она уже знала, у кого брать курагу.

У кого хороший чернослив.

У кого орех не отсыревший.

Где могут подсунуть прошлогодний товар вниз мешка, оставив красивый сверху.

Она зачерпывала рукой, нюхала, пробовала, разламывала орех.

— Сколько?

Ей называли цену.

— За такую цену сами ешьте.

Разворачивалась.

— Люд, стой.

Она останавливалась.

Начинался торг.

Несколько рублей здесь. Десять там. На одном килограмме кажется мелочью. На нескольких десятках килограммов — уже деньги.

А Людмила считала всё. Потому что прекрасно знала цену каждому рублю.

Муж таскал мешки.

Она тоже таскала.

— Дай сюда, — говорил он иногда. — Тяжёлый.

— Да я донесу.

— Люда, там килограммов тридцать.

— И что?

Вдвоём они поднимали мешок, заталкивали его в машину.

Потом другой.

Коробки со сладостями.

Пакеты со специями.

Орехи.

Сухофрукты.

Машина проседала.

После оптовой базы ехали уже на свой рынок. И там всё начиналось заново.

Выгрузить.

Дотащить.

Открыть торговое место.

Протереть прилавок.

Достать весы.

Разложить товар.

То, что покупали большими мешками, дома или прямо на точке нужно было перебирать и расфасовывать. По двести граммов. По триста. По полкилограмма. Пакет. Весы. Ещё немного. Убрать лишнее. Завязать. Следующий.

За день через руки проходили десятки килограммов. Ореховая пыль въедалась в пальцы. От специй першило в горле. К вечеру болела спина. Зимой мёрзли ноги. Летом внутри торгового павильона стояла жара.

Покупатели торговались.

— А скидку?

— А если два возьму?

— А вон там дешевле.

Кто-то пробовал и уходил.

Кто-то просил выбрать «самое лучшее».

Кто-то обвинял весы в том, что они показывают неправильно.

Иногда Людмила улыбалась. Иногда молча считала до десяти.

Рынок научил её терпению. И ещё одному — деньги не появляются из воздуха. Каждая купюра имеет происхождение. Вот эта — за день на ногах. Эта — за подъём в четыре утра. Эта — за мешок, который сама тащила до машины. Эта — за субботу, когда все отдыхали, а она работала. Эта — за Новый год за прилавком. Эта — за день, когда болела спина, но торговое место всё равно нужно было открывать.

Она откладывала долго. Не год. Не два. Часть денег держала дома. Часть — на счёте. Что-то потом снова уходило в товар. Что-то приходилось доставать, когда ломалась машина или случались семейные проблемы. И начинать копить снова.

Сколько раз Людмила считала вечером деньги и думала: «Ещё немного». Потом цены на недвижимость поднимались. И это «немного» снова отодвигалось. Она продолжала работать. Ей хотелось иметь что-то своё. Не обязательно огромную квартиру. Не центр Москвы. Не дорогой ремонт. Просто недвижимость, про которую можно сказать: «Это моё».

Поэтому, когда появилась комната Алины, Людмила Васильевна долго её осматривала. Проверяла стены. Подходила к окну. Смотрела кухню. Расспрашивала про соседей.

А потом сказала:

— Беру.

Она передала Алине деньги. Почти всё, что собирала годами.

Алина пересчитала их.

Подписали документы.

В тот момент Алина смотрела на деньги как на сумму сделки. Потом будет смотреть иначе. Когда всё начнёт разваливаться, она будет вспоминать не пачки купюр. Она будет вспоминать руки Людмилы Васильевны.

Руки женщины, которая много лет таскала коробки, перебирала орехи, раскладывала сухофрукты по пакетам, вставала затемно и стояла за прилавком. И именно тогда Алина поняла одну вещь совершенно точно. Второй покупатель страдать не должен. С Сергеем и Светланой у Алины были свои разногласия, свои обязательства и нерешённые денежные вопросы. Но Людмила-то здесь при чём?

А ещё у неё была запись. Та самая, диктофонная. Она специально включила её на встрече в офисе, потому что уже тогда почувствовала опасность. На записи всё было предельно ясно: Сергей и Светлана сами предлагали Алине продать комнату другому человеку и за счёт полученных денег рассчитаться с ними.

Алина ещё несколько раз уточняла:

— То есть вы предлагаете мне найти другого покупателя?

— Конечно, продавай.

— А потом эти деньги вернуть вам?

— Да.

Она не просто запомнила этот разговор. ОНА ЕГО ЗАПИСАЛА. И поэтому, когда после обращения в полицию Сергей и Светлана начали утверждать, что ничего подобного ей не предлагали, Алина сначала даже не испугалась. Она возмутилась. Но не испугалась. Потому что была уверена: у меня есть доказательство.

Ей ещё казалось, что доказательство — это почти то же самое, что правда.

А правда — почти то же самое, что защита.

Она нашла специалиста — лингвиста. Приехала с диктофонной записью. Передала ей файл. Рассказала обстоятельства.

Но специалист сразу остановил её:

— Мне обстоятельства подробно не рассказывайте. Мне нужно исследовать сам разговор.

— Хорошо. — Алина кивнула.

Ей это понравилось.

Именно так и должно быть.

Не эмоции.

Не кто кому нравится.

Не кто громче говорит.

Текст. Фразы. Смысл. Контекст разговора.

Через некоторое время заключение было готово. Алина читала его медленно. Некоторые формулировки перечитывала несколько раз. Специалист указывал, что отдельные реплики Сергея и Светланы имеют побудительный характер, то есть содержат предложение совершить конкретные действия. Из смыслового содержания разговора следовало, что обсуждалась возможность отчуждения комнаты иному лицу. Даже предлагали варианты, при которых Алина находит нового покупателя, продаёт комнату и за счёт полученных денежных средств рассчитывается с ними.

Алина дошла до выводов и остановилась.

Вот. Вот оно.

Она ещё раз прочитала.

Потом ещё.

Ей хотелось взять этот лист и просто положить перед любым следователем, судьёй, прокурором.

Читайте.

Тут всё написано.

Не моими словами. Специалистом. На основании записи.

Алина была уверена, что теперь у неё есть весомое доказательство своей правоты.

Немного позже Алина узнала, что супруги обратились в суд с гражданским иском. Они требовали защиты своих имущественных интересов и одновременно заявили ходатайство о принятии обеспечительных мер — запрете на совершение регистрационных действий с комнатой.

Суд удовлетворил ходатайство.

К тому времени договор купли-продажи с Людмилой Васильевной уже был заключён, однако переход права собственности ещё не зарегистрировали. Именно в этот промежуток и был наложен запрет. В результате Росреестр приостановил государственную регистрацию перехода права собственности. Теперь последствия конфликта с Сергеем и Светланой затронули и Людмилу Васильевну. Она заплатила за комнату, рассчитывала стать её законной собственницей, но завершить оформление не могла.

Алина понимала, что оставлять ситуацию без разрешения нельзя и позвонила Людмиле Васильевне.

— Воронцова. – Алина вкратце объяснила ситуацию. — Людмила Васильевна, вам нужно идти в суд.

— Зачем?

— Чтобы защищать комнату.

На другом конце стало тихо.

— Алина, я же вам деньги отдала. У нас была сделка. Почему так произошло?

— Да, знаю. Но вам нужно подать иск о регистрации перехода права собственности на себя. Вы заплатили деньги, договор заключён, комнату я вам передала. А то, что происходило между мной и первыми покупателями до вас, к вам никакого отношения не имеет. Вы ничего якобы об этом не знали. Я соглашусь в суде с вашими требованиями. По закону, когда ответчик соглашается с иском, суд чаще выносит решение в пользу обратившегося в суд.

Она объясняла, как могла.

— Таким образом, право собственности останется за вами, — обнадёжила Алина. — Вы купили эту комнату. Вы передали деньги. Вы ни от кого ничего не скрывали. Вы тут не при чём.

— Алина, а вы?

— Что я?

Алина ответила сразу:

— Я признаю ваш иск, — снова объясняла Алина. — Могу даже помочь с составлением.

— Получается, вы подадите иск против себя?

— Почему против себя? Я вам продала комнату. Я получила ваши деньги. Я подтверждаю сделку.

Для Алины в этом не было противоречия. Наоборот. Ей казалось, именно так и поступает человек, который хочет исправить ситуацию.

Да, она должна была решить вопрос с Сергеем и Светланой. Но какое отношение к этому имеет Людмила? Почему женщина, которая много лет собирала деньги на недвижимость, должна лишиться и комнаты, и денег из-за чужого конфликта? Нет. Вот этого Алина допустить не могла.

Подготовили иск. В нём всё подробно расписали. Передача денег. Заключение договора. Отсутствие у Людмилы Васильевны сведений о каких-либо притязаниях третьих лиц. Фак-

тическое исполнение обязательств. Отдельно ссылались на добросовестность Людмилы Васильевны.

Иск приняли к производству.

Когда Алина увидела фамилию судьи, она даже обрадовалась. Багрова Анна Анатольевна.

— Хорошо, — сказала она Людмиле. — Нам повезло.

— Вы её знаете?

— Была у неё в процессах.

Анну Анатольевну в суде знали давно. Женщина уже в возрасте. Крупная. Статная. Из тех людей, которым не нужно повышать голос, чтобы в помещении становилось тихо. Когда она заходила в зал, сразу было понятно: судья пришла. В ней не было суетливости. Она не любила бессмысленных речей. Могла резко остановить представителя:

— По существу, уважаемый!

Могла минут десять задавать один и тот же вопрос разными словами, если чувствовала, что человек пытается уйти от ответа.

Алина Воронцова несколько раз участвовала у неё в процессах. Не всегда решения были в пользу стороны, которую представляла Алина. Но даже проигрывая, она обычно понимала почему. Анна Анатольевна слушала. Читала документы. Задавала вопросы. Разбиралась. Именно это Алина в судьях ценила больше всего. Не чтобы решение обязательно было твоим. А чтобы тебя услышали.

Поэтому она действительно обрадовалась. Если дело попало к Багровой — разберётся.

По крайней мере, Алина тогда в это верила.

Сначала была назначена беседа.

Пришли заранее.

Людмила нервничала.

— Вы только говорите, если меня спросят, — просила Людмила Васильевна.

— Говорите правду, — ответила Алина. — Ничего другого не нужно.

— Я боюсь судов.

Алина усмехнулась.

— Не надо бояться. Здесь как раз всё должно решаться по закону.

Позже она много раз вспомнит эту фразу. Здесь всё должно решаться по закону.

В коридоре ждали вызова. Потом зашли.

Анна Анатольевна пролистала материалы. Задала несколько вопросов Людмиле. Посмотрела документы. Потом на Алину.

— Вы требования признаёте?

— Полностью.

— Последствия признания иска понимаете?

— Да.

— Подтверждаете получение денежных средств?

— Подтверждаю.

— Сделка совершалась добровольно?

— Да.

— Покупательница знала о ваших отношениях с предыдущими лицами?

— Нет. И знать не могла.

Анна Анатольевна некоторое время молчала. Перелистывала документы.

Алина смотрела на неё и ждала вопросов. Она была готова.

Про первый договор.

Про Сергея и Светлану.

Про опеку.

Про повторную продажу.

Про диктофонную запись.

Про лингвистическое заключение.

У неё всё было с собой. В папке лежали документы. Рядом — заключение специалиста. В телефоне — запись.

Алина всегда любила моменты, когда из хаоса можно было выстроить цепочку.

Факт. Документ. Доказательство. Вывод.

Так работало право в её голове.

Но разговор неожиданно закончился быстро. Беседа завершилась. Людмила Васильевна вышла первой. Алина собирала бумаги.

И тогда Анна Анатольевна посмотрела на неё как-то иначе. Не как судья на участника процесса. Скорее как взрослая женщина на другую женщину.

— Воронцова…

Та подняла голову.

— Да?

Судья помолчала. А потом тихо сказала:

— Я вам здесь ничем помочь не смогу.

Алина сначала не поняла.

— В каком смысле?

Анна Анатольевна посмотрела в сторону двери.

— В прямом.

— Но почему?

Пауза.

Алина потом много раз прокручивала этот разговор в голове и вспоминала его именно так — короткими фразами, от которых становилось всё холоднее. Почему? Зачем Сергей со Светланой искали выход на судью, прекрасно понимая, что они не правы?

— Решение будет не в вашу пользу.

— Почему?

Судья снова помолчала.

— Так нужно.

Алина нахмурилась.

— Кому нужно?

Ответ последовал не сразу.

— Воронцова, я всё сказала.

— Нет, подождите. Я не понимаю. Вы материалы видели?

— Видела.

— У меня есть запись разговора. Есть лингвистическое заключение.

— Я понимаю.

— Я иск признаю. Рыбалко заплатила деньги. Она вообще никакого отношения к конфликту с первыми покупателями не имеет.

Анна Анатольевна тяжело вздохнула. И затем сказала то, чего Алина совершенно не ожидала услышать от судьи.

Что вопрос уже обсуждался.

Что позиция по делу должна быть определённой.

Что от неё ждут именно такого решения.

Алина смотрела на неё несколько секунд.

— Кто?

Анна Анатольевна не ответила прямо. Но Алине хватило нескольких слов.

Председатель суда? Внутри мгновенно поднялось возмущение.

Не страх. Именно возмущение. То самое Алино внутреннее: как это вообще возможно?

— То есть он уже решил дело?

— Воронцова…, остановись!

— Он материалы читал? Нет, Анна Анатольевна, подождите. Как можно сказать судье, какое решение она должна вынести, если дело ещё не рассмотрено?

— Идите.

— Но…

— Без НО, Воронцова, просто идите.

Алина вышла в коридор. Людмила Васильевна сидела на скамье.

— Ну что?

Алина не ответила. Она уже смотрела в сторону другого кабинета. Председателя суда. Наверное, нормальный человек сначала бы успокоился. Посоветовался. Подумал. Взвесил последствия. Алина нормальным человеком в такие моменты быть не умела. Если она видела несправедливость, внутри словно включался мотор.

Она взяла папку.

— Подождите меня здесь.

— Куда вы?

— Сейчас.

И пошла.

В приёмной председателя попытались её остановить.

— Вы записаны?

— Нет.

— Тогда вам нужно записаться.

— Мне нужно две минуты.

— Нельзя просто так зайти.

— Хорошо, пусть «не просто так», скажите, что Воронцова Алина. У меня дело рассматривается у судьи Багровой.

Секретарь посмотрела на неё без особого интереса.

— И что?

— И я хочу задать председателю один вопрос.

Возможно, Алине следовало уйти. Но она не ушла. В конце концов, её приняли.

Кабинет оказался обычным.

Большой стол.

Документы.

Герб.

Телефон.

Та самая официальная обстановка, которая всегда немного заставляет человека выпрямить спину.

Алина вошла уже заведённая. И спину выпрямлять не собиралась.

— Добрый день.

Председатель поднял глаза.

— Вы кто?

— Воронцова Алина. У судьи Багровой рассматривается гражданское дело по иску Рыбалко. Я ответчик.

— И?

— Мне сказали, что решение по этому делу уже определено, а у нас рассмотрение только началось.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Кто вам это сказал?

Алина на секунду замолчала. Сдавать Анну Анатольевну она не хотела.

— Неважно.

— Тогда о чём разговор?

— О том, что вы допускаете ошибку.

После этих слов в кабинете стало очень тихо. Наверное, далеко не каждый день участники процесса заходили к председателю суда и начинали разговор именно так.

— Что вы сказали, Воронцова?

— Что вы допускаете ошибку. Вы не разобрались в деле.

— Девушка… Как вас там?

— Нет, вы меня послушайте, пожалуйста. Там не было двойной продажи с каким-то умыслом. Первые покупатели сами предложили мне продать комнату другому человеку.

Председатель откинулся на спинку кресла.

По его лицу было видно: разговор ему не нравится. Да и ему было наплевать на то, что говорила Алина.

Но Алина уже не могла остановиться.

— У меня есть запись. — Она открыла папку. — Есть лингвистическое заключение. Специалист исследовал разговор. Там прямо указано, что из реплик следует предложение найти другого покупателя и рассчитаться за счёт этих денег.

— Я не рассматриваю ваше дело.

— Тогда послушайте запись.

— Не нужно.

— Почему не нужно? Две минуты. Я вам сейчас включу.

Алина уже полезла за телефоном.

— Девушка, уберите телефон.

— Но вы хотя бы послушайте! Вы поймёте, о чём я говорю. Вы ведь председатель суда.

— Я сказал: уберите телефон, — уже раздражённо говорил председатель.

Она замерла.

— Именно поэтому я и говорю вам: обсуждать со мной дело, которое находится в производстве другого судьи, вы не будете.

— Но если вы уже обсуждали его с судьёй?

Лицо председателя изменилось.

— Выйдите из кабинета, — уже в ярости кричал председатель.

— Я только хочу, чтобы вы сначала разобрались.

— Выйдите.

— Там женщина все деньги отдала! Она годами их собирала.

— Воронцова!

— Она на рынке работала. Вы понимаете? — Алина никуда не собиралась выходить. — Это не какие-то свободные деньги. Она их…

— Покиньте кабинет.

— Но у меня доказательства в руках!

Он уже не отвечал. Просто нажал кнопку вызова секретаря.

Алина стояла посреди кабинета с папкой.

С лингвистическим заключением.

С телефоном, в котором была запись.

С полной уверенностью, что сейчас она говорит разумные вещи. И впервые ей пришла очень неприятная мысль. А что, если никто не хочет её слышать?

Не потому, что она не доказала.

Не потому, что доказательство слабое.

Не потому, что ей не верят.

А просто потому, что решение может существовать отдельно от всего этого. И всем наплевать, что чувствовала сейчас Алина Воронцова. Она стояла посреди кабинета председателя суда, сжимая в руках кипу документов, отчаявшись доказать то, что ещё недавно казалось ей очевидным.

И всё это происходило здесь. В здании, где вершат правосудие.

— Всего доброго, — сказал председатель.

Алина вышла. Дверь за ней закрылась. В коридоре сидела Людмила Васильевна.

— Что случилось?

Алина посмотрела на неё.

Хотела сказать: «Ничего». Хотела привычно: «Разберёмся». Хотела: «Не переживайте». Но впервые за долгое время не была уверена ни в одном из этих слов.

— Будем судиться, — сказала она наконец.

Глава 4
Приговорённая правда

Следующее заседание назначили почти через месяц. К нему Алина подготовилась ещё тщательнее. Принесла документы. Лингвистическое заключение. Снова заявила, что признаёт исковые требования Людмилы Васильевны.

— Я подтверждаю, что получила от неё денежные средства, — говорила Алина. — Подтверждаю заключение сделки. Подтверждаю свою волю на отчуждение комнаты именно ей. Никаких претензий к Рыбалко я не имею.

Людмила Васильевна сидела рядом. Молчала. Руки держала на коленях. Те самые руки.

Алина почему-то всё время смотрела на них.

Представляла мешки.

Коробки.

Весы.

Холодный рынок утром.

Пакеты с курагой.

Монеты. Купюры.

День за днём. Год за годом.

А теперь судьба всех этих лет помещалась в несколько листов гражданского дела.

Алина говорила долго.

Про запись. Про первые договорённости. Про отсутствие у Людмилы какой-либо связи с предыдущими покупателями. Про то, что новый покупатель не может отвечать за чужой спор. Ей казалось: если объяснить достаточно точно, невозможно не понять.

Анна Анатольевна слушала. Почти не перебивала. Но теперь Алина уже видела в её лице то, чего раньше не замечала. Усталость. Не от процесса. Другую. Как будто решение действительно существовало где-то заранее, а всё происходящее сейчас было только дорогой к нему. По крайней мере так чувствовала Алина.

Иск не удовлетворили. Людмиле Васильевне отказали.

Несколько секунд после оглашения она сидела неподвижно. Потом повернулась к Алине.

— Я не поняла.

Алина молчала.

— Комната теперь не моя?

— Будем обжаловать.

— А деньги?

Алина почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Деньги я вам не дам потерять.

Людмила посмотрела на неё. Не зло. Наверное, если бы закричала, Алине было бы легче. Если бы сказала: «Мошенница». Если бы обвинила. Но Людмила только спросила:

— Алина, что же теперь будет?

И вот на этот вопрос ответа у неё не было.

Она могла процитировать закон.

Могла составить иск.

Могла заказать экспертизу.

Могла написать жалобу.

Могла часами спорить о доказательствах. Знала, что такое состязательность.

Что такое оценка доказательств. Что судья независим. Что суд подчиняется Конституции и федеральному закону.

Всё это Алина знала.

Она только вдруг впервые почувствовала страшную разницу между словами «так должно быть» и словами «так бывает».

Наверное, именно тогда в её отношении к праву появилась первая трещина.

Не к закону.

В закон она всё ещё верила.

Она перестала безоговорочно верить в то, что между хорошим законом и человеком всегда стоит тот, кто обязательно применит этот закон правильно.

Алина вышла из суда последней.

Людмила уже ждала её на улице.

Город жил своей жизнью. Машины. Люди. Телефоны. Кто-то спешил на работу. Кто-то возвращался домой. Обычный день.

Алина остановилась на ступенях и посмотрела на здание суда.

Когда-то ей нравились суды. В них была какая-то особая логика. Здесь спор превращался в документы. Эмоции — в доводы. Слова — в доказательства. А потом человек в мантии должен был отделить правду от лжи, а справедливость — от произвола.

По крайней мере, именно так Алина представляла правосудие, когда выбирала профессию.

Теперь она впервые увидела его с другой стороны.

Она ещё не знала, что впереди будет уголовное дело.

Не знала, что однажды сама встанет перед судьёй уже не представителем, не ответчиком по гражданскому делу, а подсудимой.

Не знала, что будет снова приносить записи, заключения специалистов, документы и снова говорить:

— Вы только посмотрите.

Не знала, сколько раз ей предстоит убеждаться, что даже самые убедительные доказательства не всегда способны изменить уже принятое решение.

Она вообще ещё многого не знала.

Только один звук почему-то остался в памяти особенно отчётливо. Не голос судьи. Не текст решения. Не слова Людмилы. А звук двери кабинета председателя. Она закрылась за Алиной совершенно обычно. Без железного лязга. Без ключа. Без засова. Обычная деревянная дверь в обычном государственном кабинете.

Алина ещё не знала, что совсем скоро вокруг неё будут закрываться другие двери. Тяжёлые. Металлические. Те, которые человек изнутри открыть уже не может. Но первой дверью, за которой она по-настоящему почувствовала собственное бессилие, оказалась не дверь камеры. Она была деревянной. И снаружи на ней висела табличка: «Председатель суда».

***

Алина не собиралась оставлять всё как есть.

Решение суда первой инстанции она прочитала несколько раз. Потом ещё раз. С карандашом в руке, подчёркивая отдельные формулировки.

Чем дальше читала, тем больше вопросов у неё возникало. Людмила Васильевна заплатила за комнату. Договор купли-продажи был заключён. Алина получение денег не отрицала, сделку подтверждала, исковые требования признавала.

И тем не менее суд отказал.

— Ну и где здесь логика? — спросила она вслух, откладывая решение.

Артём, сидевший неподалёку, поднял голову.

— Ты опять с этой комнатой?

— А с чем ещё? Посмотри, что написали.

— Алин, я в этом ничего не понимаю.

— Вот и я скоро перестану понимать.

Она усмехнулась, но тут же снова взялась за документы.

— Люди купили комнату. Деньги заплатили. Продавец не возражает. А собственниками стать не могут. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что другие люди эту комнату когда-то хотели купить, а потом передумали.

— Может, тебе уже бросить всё это?

Алина посмотрела на него.

— Тём, а Людмиле Васильевне что делать? Она все свои накопления отдала. Сказать ей, что не получилось, и пожелать удачи?

Артём вздохнул.

— Я просто вижу, что ты уже сама себя извела.

— Не извела. Просто разбираюсь.

Он улыбнулся.

— Ну да. У тебя это так называется.

***

Алина вернулась к бумагам. На этот раз она решила идти до конца.

Апелляционную жалобу готовила тщательно.

Алина вновь подняла договоры, документы об оплате, материалы гражданского дела, изучила доводы судебного решения.

Она понимала, что одного её признания иска недостаточно. Суд должен был установить, имелись ли законные основания для регистрации перехода права собственности и каким образом требования первых покупателей влияли на права Людмилы Васильевны.

Но для Алины принципиальным оставалось одно: Людмила Васильевна не должна была лишиться приобретённой комнаты только потому, что продавец оказался участником другого имущественного спора.

Когда жалоба была готова, она позвонила Людмиле.

— Людмила Васильевна, жалоба готова, подаём.

— Алина, а смысл есть?

— Есть.

— В прошлый раз вы тоже говорили, что всё по закону.

Алина замолчала. Упрёк был справедливым.

— Говорила, — ответила она, наконец. — И сейчас говорю. Но обещать решение я вам не могу.

— Я уже боюсь надеяться.

— Тогда не надейтесь. Просто будем делать то, что положено.

— А вы сами верите, что выиграем?

Алина посмотрела на лежавшую перед ней жалобу.

— Надо верить.

***

В день заседания Людмила Васильевна приехала раньше назначенного времени.

Сидела в коридоре, держа на коленях сумку. Пальцами теребила ручку, время от времени поглядывала на дверь зала.

— Волнуетесь? — спросила Алина.

— А вы нет?

— Волнуюсь.

— По вам не видно.

— Это профессиональное.

Людмила невесело улыбнулась.

— Вы в судах как дома.

— Но дома мне нравится больше.

И вдруг сама подумала, насколько привычной стала для неё эта обстановка. Коридоры, секретари, списки дел, ожидание заседания. Всё было знакомо.

И всё же впервые за долгое время она не испытывала прежней уверенности, что достаточно правильно изложить свою позицию — и тебя обязательно услышат.

Их пригласили в зал.

Судебная коллегия начала рассмотрение жалобы. Судьи задавали вопросы, уточняли обстоятельства заключения договора, передачи денег, возникновения запрета на регистрационные действия.

— Вы подтверждаете передачу денежных средств? — стали задавать вопросы.

— Да, полностью. Я всё, что собирала годами, отдала, — поясняла Людмила Васильевна.

— На момент заключения договора вам было известно о притязаниях других лиц на эту комнату?

— Нет. Я покупала её у собственников. Проверяла документы. А потом оказалось, что оформить ничего нельзя.

Судья сделал пометку.

— Понятно.

— Воронцова, вы подтверждаете заключение договора купли-продажи с Рыбалко? — спросил председательствующий.

— Да, ваша честь!

— Денежные средства получили?

— В полном объёме.

— Исполнение договора со стороны покупателя оспариваете?

— Нет.

— Почему переход права собственности не был зарегистрирован?

— В связи с принятыми судом обеспечительными мерами по другому гражданскому делу.

— У вас имеются возражения против удовлетворения требований Рыбалко?

— Никаких. Наоборот, я прошу суд защитить её права.

Один из судей поднял глаза от документов.

— А ваши отношения с первыми покупателями?

— Это отдельный спор, — ответила Алина. — Я не отказываюсь от того, что получила от них деньги. Но Людмила Васильевна не должна отвечать за мои обязательства перед другими лицами.

— Почему вы считаете решение суда первой инстанции неправильным?

Алина выпрямилась.

— Потому что обстоятельства исполнения договора с Рыбалко подтверждены документами и не оспариваются сторонами. И я не вижу, почему денежные требования третьих лиц должны сами по себе лишать покупательницу возможности оформить приобретённое имущество.

На этот раз её не перебили.

Судьи продолжили задавать вопросы. Уточнили позиции участников, исследовали представленные документы.

Алина отвечала спокойно, без привычного возмущения. Она уже поняла, что громкость голоса не увеличивает силу доказательств.

После исследования доказательств суд перешёл к прениям.

Алина говорила недолго. В отличие от прежних заседаний, ей не хотелось снова пересказывать всю историю, спорить и доказывать очевидное.

— Уважаемая судебная коллегия, — начала она. — Между мной и первыми покупателями действительно возник имущественный конфликт. Но это не отменяет факта заключения договора с Рыбалко Людмилой Васильевной и исполнения ею своих обязательств. Я как продавец сделку подтверждаю, получение денег не оспариваю и против перехода права собственности не возражаю. Прошу отменить решение суда первой инстанции и удовлетворить заявленные требования.

Она села.

На этот раз ей показалось, что сказала даже слишком мало. Но добавлять было нечего.

Судебная коллегия удалилась для принятия решения.

***

Ожидание оказалось недолгим, хотя Людмиле Васильевне наверняка показалось иначе.

— Алина, ну что вы думаете? — тихо спросила она.

— Сейчас узнаем. Сама волнуюсь.

— А если опять откажут? Что делать тогда будем?

Вскоре их пригласили обратно в зал.

— Встать, суд идёт!

Алина с Людмилой Васильевной заслушивали решение суда стоя.

Председательствующий оглашал резолютивную часть апелляционного определения.

— Решение суда первой инстанции отменить…

Алина замерла.

— Принять по делу новое решение, которым исковые требования Рыбалко Людмилы Васильевны о государственной регистрации перехода права собственности на жилое помещение удовлетворить.

Людмила резко повернулась к Алине.

— Что? Я не поняла…

— Подождите, — шепнула Алина, продолжая слушать.

Судья закончил оглашение.

Судебная коллегия пришла к выводу, что при рассмотрении дела суд первой инстанции неправильно оценил обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора. Заключение договора, исполнение покупательницей обязательств и отсутствие возражений продавца получили иную правовую оценку.

Сам по себе спор Алины с первыми покупателями не был признан достаточным основанием для отказа Людмиле Васильевне в заявленных требованиях.

Когда заседание закончилось, Людмила всё ещё стояла возле своего места.

— Господи, Алина, неужели мы выиграли?

— Да, мы выиграли. Теперь у вас есть судебное решение в вашу пользу. Останется завершить регистрацию в установленном порядке.

Людмила медленно опустилась на стул.

— А я уже думала, всё. Ни денег, ни комнаты.

Алина улыбнулась.

— Ну вот видите. А вы говорили, что судиться больше не хотите.

— Так я и не хочу! — неожиданно оживилась Людмила. — Вы думаете, мне понравилось?

Обе рассмеялись.

Это был первый раз за долгое время, когда они могли смеяться над собственной судебной историей.

***

На улице Людмила Васильевна несколько раз поблагодарила Алину, а потом крепко обняла её.

— Спасибо вам. Я ведь эти деньги всю жизнь собирала.

— Знаю, Людмила Васильевна. Знаю.

Они попрощались.

Алина осталась на ступенях суда одна.

Странное чувство.

Впервые за долгое время она вышла из здания суда не злой, не возмущённой и не с очередным списком жалоб, которые нужно срочно написать.

Сегодня закон сработал так, как она всегда считала правильным.

Она даже позволила себе немного порадоваться. Но ненадолго.

Потому что оставались Сергей и Светлана.

Апелляция разрешила спор о правах Людмилы Васильевны на комнату. Однако другой спор, — с первыми покупателями, — никуда не исчез.

Алина всё также не отказывалась возвращать деньги первым покупателям.

Но те также стояли на своём: либо всё, что они когда-то передали, либо они будут принимать меры.

Поначалу Алина рассчитывала, что они одумаются. Что эмоции улягутся и им удастся договориться хотя бы о частичном возврате. Но время шло, а позиция Сергея и Светланы не менялась.

Деньги оставались у Алины. Первое время Алина их не трогала. Но потом Артём потерял работу. Деньги в семье быстро заканчивались. Двое детей, продукты, коммунальные платежи, обычные расходы. А муж всё искал новую работу. Алина работала, но заработанного не хватало.

Постепенно она начала брать из этих денег небольшие суммы. Сначала на самое необходимое.

Думала, заработает — положит обратно. Но расходы не заканчивались, а деньги постепенно таяли.

Каждый раз Алина успокаивала себя одной мыслью: она не скрывается, от обязательств не отказывается, а когда спор окончательно разрешится, найдёт способ рассчитаться.

Она прекрасно понимала, что делает. И понимала, что рано или поздно рассчитываться всё равно придётся.

Возможно, это было легкомысленно.

Возможно, именно здесь стоило остановиться и не трогать ни рубля.

Но тогда Алина не воспринимала происходящее как что-то противозаконное. Для неё это был денежный спор, который рано или поздно должен был разрешиться.

Она ещё не знала, что однажды ей придётся объяснять не только обстоятельства продажи комнаты, но и то, куда ушли полученные деньги.

Глава 5
Отказа не будет

После победы в апелляции Алина впервые за долгое время почувствовала облегчение.

Одна часть этой запутанной истории, наконец, разрешилась.

Алина была довольна. Не столько собственной победой, сколько тем, что Людмила Васильевна не потеряла недвижимость, за которую отдала многолетние сбережения.

Казалось бы, теперь всё должно было постепенно наладиться.

Но оставались Сергей и Светлана.

Супруги не собирались отступать. Теперь они решили добиваться возбуждения уголовного дела.

Вскоре Алине позвонили из полиции.

— Алина Воронцова?

— Да, слушаю.

— Вам необходимо явиться для дачи объяснений. В отношении вас поступило заявление о мошенничестве.

— От кого?

На том конце провода Алине пояснили, что заявление поступило от покупателей комнаты.

— От покупателей? — переспросила она. — Интересно. А что именно они написали?

— Вот приедете и всё узнаете.

— Хорошо. Когда подъехать?

***

На следующий день Алина уже сидела напротив сотрудника полиции.

— Денежные средства от заявителей получали?

— Получала.

— Сделку провели?

— Подписали только предварительный договор, а потом… — Алина принялась объяснять всё по порядку, как было.

— Но комнату вы продали другому человеку?

— Да. По их же предложению.

— Они утверждают, что ничего такого не предлагали вам.

Алина открыла папку.

— А у меня есть запись разговора. Хотите послушать?

— Давайте.

Она включила диктофон.

— Вот здесь, — остановила запись Алина. — Слышите? Они сами предлагают найти другого покупателя и вернуть им деньги после продажи.

— Почему же деньги не вернули?

— Предлагала. Они отказались принимать часть суммы, потому что фактически дали больше, но ведь рынок упал и комната подешевела, мне где брать? … — Алина возмущенно объясняла, что она в данном случае пострадавшая, но ни как не мошенница, кем её называли в заявлении Сергей со Светланой.

— То есть полностью вы с ними не рассчитались?

— Нет. Но какое это имеет отношение к мошенничеству? Денежный спор есть, я этого не отрицаю. Но умысла кого-либо обманывать у меня не было.

Сотрудник ещё раз просмотрел документы.

— Хорошо. Проверим.

Через некоторое время Алина получила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Но на этом история не закончилась.

Сергей и Светлана обжаловали отказ. Материалы вернули на дополнительную проверку.

Алину снова вызвали в полицию.

— Заявители настаивают, что вы их обманули.

— А я настаиваю, что нет. И документы у меня те же. Ничего нового не появилось.

— Давайте ещё раз объяснения возьмём.

— Давайте. Только можно прошлые скопировать? Я там всё достаточно подробно изложила.

Сотрудник усмехнулся.

— Процессуальный порядок, Алина.

— Понимаю. Тогда записывайте.

Снова проверка.

Снова отказ.

Через некоторое время история повторилась.

— Алина Воронцова?

— Да.

— Вас снова вызывают для дачи объяснений.

— Опять Сергей со Светланой?

— Да.

— А что изменилось?

— Поступила очередная жалоба.

— Новые обстоятельства появились?

— Приедете — разберёмся.

Алина вздохнула.

Постепенно такие звонки стали почти привычными.

В какой-то момент потом Алина вспомнит разговор на одном из приёмов:

— Вы бы всё-таки попробовали с заявителями договориться.

— Я пробовала. Они не хотят.

— Ну, попробуйте ещё раз. Вы просто не думайте, что если раньше были отказы, то они и дальше будут. Так может быть не всегда.

— Это вы сейчас к чему?

— Ни к чему. Просто говорю.

— А что, появились новые обстоятельства?

— Пока нет.

— Тогда о чём разговор?

После такого диалога у Алины возникали неприятные чувства, которых раньше после подобных проверок не возникало.

Что он хотел сказать?

Может, просто решил перестраховаться. А может, ему надоело раз за разом заниматься одним и тем же материалом.

Впрочем, Алина быстро выбросила этот разговор из головы.

Но Сергей и Светлана вновь и вновь добивались пересмотра отказных материалов.

Алину вызывали, опрашивали, изучали её документы, после чего снова отказывали в возбуждении уголовного дела. Постепенно всё это превратилось для Алины в неприятную, но почти привычную процедуру. Она уже знала, какие вопросы последуют, какие документы потребуются и чем, скорее всего, закончится очередная проверка.

Около десяти раз.

Несколько дней никто не звонил.

Потом прошла ещё неделя.

А потом наступил одиннадцатый раз.

Телефон зазвонил среди обычного рабочего дня.

— Алина Воронцова? — раздался в трубке незнакомый женский голос.

— Майор полиции Светличная Елена Викторовна, следственный отдел. Звоню по материалу проверки в отношении вас.

Алина отложила ручку.

— Да, слушаю.

— Вам нужно к нам приехать.

— Хорошо. За отказным?

На том конце ненадолго замолчали.

— Нет. Не за постановлением об отказе.

— В каком смысле?

— В отношении вас возбуждено уголовное дело. По факту мошенничества. Вы сами приедете или повесткой вызвать?

Алина выпрямилась.

— Подождите. Какое уголовное дело? Что изменилось-то? У меня кипа бумаг об отказе!

— Воронцова, приезжайте. Вам всё объяснят.

— Хорошо. Обязательно приеду.

Она положила телефон.

Несколько секунд сидела молча, глядя на лежавшие перед ней документы.

Потом произнесла вслух:

— Интересно девки пляшут…

Но на этот раз ей было не до смеха.

Уголовное дело было возбуждено.

Вспомнила слова сотрудника полиции: «Вы только не думайте, что если раньше отказывали, то так будет всегда». Теперь они звучали совсем иначе.

Она мысленно возвращалась к документам, проверяла собственные доводы, пыталась представить, что ещё могут предъявить. Но ничего нового не находила.

***

На следующий день Алина приехала в следственный отдел.

Кабинет Светличной находился на втором этаже. Алина постучала и, услышав короткое «Войдите», открыла дверь.

За столом сидела женщина лет сорока. Светлые волосы были собраны на затылке, на плечах — майорские погоны. Перед ней лежали несколько папок с документами.

— Воронцова?

— Да, я. Добрый день.

— Проходите, присаживайтесь.

Елена Викторовна указала на стул напротив и продолжила что-то писать. Закончив, закрыла папку и посмотрела на Алину.

— Значит, Алина Воронцова… Тогда давайте сразу к делу. Что изменилось? Почему уголовное дело возбудили?

Светличная спокойно сложила руки на столе.

— Основания изложены в постановлении.

— Елена Викторовна, я юрист. Мне не надо объяснять, где они изложены. Я хочу понять, что нового появилось в материалах. Десять раз отказывали, а теперь вдруг возбудили.

— Воронцова, давайте договоримся. Я вас не перебиваю, и вы меня тоже.

Алина подняла брови.

— Хорошо. Договорились.

— Дело возбуждено в отношении вас. Сейчас вы имеете статус подозреваемой. Соответствующие права вам будут разъяснены, защитника можете пригласить самостоятельно.

— Хорошо.

— Уголовное дело возбуждено не вчера. Сейчас вы здесь. Давайте разговаривать по существу.

Светличная говорила спокойно, негромко, не повышая голоса даже тогда, когда Алина начинала возмущаться. При этом ни разу не улыбнулась и не попыталась сгладить разговор.

— Вот смотрите, — Алина открыла свою папку. — Здесь все постановления об отказе. Вот договоры. Вот заключение лингвиста. А вот диктофонная запись. Вы её слушали?

— С материалами проверки я ознакомилась.

— Я спрашиваю, запись слушали?

— Слушала.

— И что?

— Что именно вы хотите услышать?

— Что покупатели сами предложили мне продать комнату другому человеку! Там же русским языком всё сказано!

Светличная посмотрела на папку.

— А деньги вы им вернули?

— Я предлагала вернуть часть. Они отказались. Это тоже отражено в моих объяснениях.

— На сегодняшний день деньги не возвращены?

— Не возвращены. Но я этого и не скрываю.

— А куда они делись?

Алина на секунду замолчала.

Елена Викторовна сделала пометку.

— То есть деньги вы получили, обязательства перед первыми покупателями не исполнили, а затем распорядились средствами по своему усмотрению? Так?

Алина раздражённо выдохнула.

— Вот! Вы сейчас делаете то же самое, что они в заявлениях. Берёте отдельные факты и выбрасываете всё остальное!

— Я ничего не выбрасываю.

— Тогда почему вы не спрашиваете, кто предложил повторную продажу? Почему покупатели отказались завершать сделку? Почему не взяли деньги, когда я их предлагала? Хотя бы то, что есть…

— Всё это будет проверяться.

— Так уже проверяли! Десять раз!

— Воронцова, десять отказов не означают, что одиннадцатое решение обязательно должно быть таким же.

— Даже если ничего не изменилось?

— Я не собираюсь сейчас спорить с вами об обоснованности постановления.

Алина откинулась на спинку стула.

— Понятно.

Несколько секунд они молчали.

Потом Алина снова подалась вперёд.

— Елена Викторовна, вы понимаете разницу между долгом и мошенничеством?

Светличная посмотрела на неё поверх документов.

— Представьте себе, понимаю.

— Тогда объясните мне, в чём мой умысел? Я получила деньги по предварительному договору. Собиралась продать комнату. Выиграла суд с опекой. Покупатели сами отказались от сделки и предложили найти других. Я нашла. Продала. Где здесь изначальный умысел на хищение?

— Именно это следствию и предстоит установить. Вы вправе защищаться всеми предусмотренными законом способами.

— Спасибо. Очень обнадёживает.

Светличная не отреагировала на сарказм.

Она открыла другую папку, достала несколько листов и положила перед Алиной.

— С постановлением можете ознакомиться. Получение копии оформим в установленном порядке. Для допроса согласуем дату с вашим защитником.

Алина взяла документы и принялась читать.

По мере чтения лицо её менялось.

— Подождите… «Имея умысел на хищение денежных средств»… Это откуда взялось?

Светличная молчала.

— «Злоупотребляя доверием потерпевших»… Каким доверием? У нас договор был! Обыкновенная сделка с недвижимостью!

— Алина, я понимаю, что вы не согласны с изложенными обстоятельствами.

— Да я не просто не согласна! Здесь написано, что я чуть ли не специально всё придумала, чтобы деньги у людей забрать!

— У вас будет возможность изложить свою позицию.

— Я её уже десять раз изложила!

Елена Викторовна закрыла папку.

— Тогда вам будет несложно сделать это ещё раз.

Алина посмотрела на неё.

Впервые за весь разговор Светличная позволила себе едва заметную улыбку. Но тут же снова стала серьёзной.

— Алина, я вижу, что вы хорошо ориентируетесь в документах. И понимаю, что у вас своя позиция. Но дело возбуждено. Теперь будет предварительное следствие. Все свои доводы вы сможете заявить официально.

— Я уже поняла.

Алина собрала бумаги.

— Запись и заключение специалиста я представлю повторно. И буду добиваться, чтобы их исследовали.

— Это ваше право.

— А ещё буду обжаловать постановление о возбуждении дела.

— И это ваше право. Воспользуйтесь своими правами грамотно.

Ответить было нечего.

Алина поднялась, взяла папку и направилась к двери.

— До свидания, Елена Викторовна.

— До свидания. И, Воронцова…

Она остановилась.

— Что?

— На следующий допрос приходите с адвокатом. Даже если сами прекрасно знаете закон.

Алина чуть улыбнулась.

— Не переживайте. Я себя защищать умею.

— Не сомневаюсь.

Алина вышла в коридор.

Странная женщина, подумала она. Вроде и не грубит, и разговаривает нормально. Но такое чувство, будто всё, что ей говорят, заранее делит на две части: то, что подходит для дела, и всё остальное.

В предыдущие разы Алина уходила из полиции раздражённой, но спокойной. Она знала, что её объяснения проверят и вынесут очередное постановление об отказе.

Сегодня всё было иначе.

Теперь ей предстояло не просто объяснять, почему сделка сорвалась.

Теперь ей придётся защищаться от обвинения в преступлении.

И больше всего её бесило, что майор Светличная спокойно называла уголовным делом историю, которую сама Алина до сих пор считала обычным денежным спором.

***

Советчиков было много. Одни рекомендовали вернуть деньги и признать вину, другие — нанять хорошего адвоката и готовиться к худшему.

А однажды знакомые сказали Алине, что Сергей и Светлана якобы нашли выход на каких-то влиятельных людей, которые пообещали им помочь в возбуждении уголовного дела.

Но тогда Алина только усмехнулась:

— Вообще-то у нас уголовные дела возбуждаются не по знакомству, а по закону. Для этого нужны основания, а не влиятельные друзья.

— Алин, ты как будто первый день живёшь, — говорили её.

— Нет, не первый. Но пусть сначала докажут, что я собиралась их обмануть.

Она говорила уверенно. Почти вызывающе. Она была уверена, что у неё есть все доказательства её невиновности. А возбуждение уголовного дела — какое-то недоразумение.

Возможно, ей хотелось верить, что закон сильнее любых знакомств.

Позже она не раз будет об этом вспоминать.

Особенно собственные слова о том, что уголовные дела возбуждаются не по знакомству, а по закону.

А сейчас результат – уголовное дело возбудили. Мошенничество. Статья 159 часть 3. Тяжкое преступление. Алина знала и понимала последствия.

Конечно, в материалах дела её история выглядела иначе, чем она сама её прожила. И это бесило её больше всего. Алина могла признать: деньги получила. Не вернула вовремя. Допустила ошибку. Поставила людей в тяжёлое положение. Но слово «мошенница» внутри неё упиралось во что-то намертво.

Нет.

Она не соглашалась.

Знакомые юристы говорили много раз:

— Верни деньги и признай вину, это будет смягчающим обстоятельством.

— Зачем? То есть я должна признать, что совершила преступление? Нет. Как это будет выглядеть?

— Алин, сейчас надо думать не про то, как выглядит.

— А про что? – недоумевала Алина.

— Про срок.

Она злилась.

— То есть мои объяснения в нас уже не рассматриваются?

В ответ — молчание. И это было хуже слов.

Алина хотела собрать часть денег, но после возбуждения уголовного дела она заняла жёсткую позицию. Если её считают преступницей — пусть доказывают.

***

Но после возбуждения уголовного дела её позиция резко изменилась.

Алина была в ярости.

Она была уверена, что Сергей и Светлана в своих заявлениях откровенно врали. Они утверждали, будто никогда не предлагали ей продать комнату другому покупателю.

Алина читала эти заявления и просто не верила своим глазам.

— Да вы издеваетесь?! — возмущалась она. — У меня же запись есть! Они сами предложили! А теперь пишут, что ничего не знали?

Поэтому Алина решила: добровольно больше ничего возвращать не будет.

— Хотят деньги? Пусть идут в суд. Вынесут решение о взыскании — пожалуйста. Будет исполнительное производство, буду платить частями, по мере возможности. Но бегать за ними и просить взять деньги я больше не собираюсь.

Она прекрасно знала, что судебное решение никуда не денет долг. Что приставы могут обратить взыскание на счета и имущество, удерживать часть доходов. И что всё это может растянуться на годы.

Но в тот момент её это уже мало волновало.

Ей хотелось одного — чтобы Сергей и Светлана ответили за свои слова и чтобы никто не заставлял её признавать то, чего, по её убеждению, она не совершала.

Алина упёрлась окончательно.

И не сразу поняла, что своим решением сделала хуже прежде всего себе.

Она хотела наказать покупателей рублём и бесконечным ожиданием.

А в итоге наказала себя.

Глава 6
Подсудимая Воронцова

А уголовное дело тем временем жило уже своей жизнью.

Проверки закончились.

Отказные материалы остались в прошлом.

Теперь появились допросы, протоколы, постановления, формулировки обвинения. То, что Алина столько времени называла неудачной сделкой и гражданско-правовым спором, в материалах дела всё чаще называли одним словом — мошенничество.

Алина читала обвинение и думала: «Это вообще про меня?»

Она узнавала даты. Суммы. Фамилии. Адрес комнаты. Но не узнавала себя. Будто кто-то взял её жизнь, разложил по листам уголовного дела, а потом между знакомыми фактами вставил совсем другой смысл.

Следствие закончилось.

Алине сообщили, что материалы направляются прокурору, а затем — в суд.

Вот тогда впервые стало по-настоящему страшно.

До этого ещё оставалось ощущение, что всё можно остановить. Что кто-то посмотрит запись. Прочитает заключение специалиста. Увидит предыдущие отказы в возбуждении уголовного дела. Задаст простой вопрос: «Если человек изначально собирался похитить деньги, зачем он столько раз приходит сам, даёт объяснения, предоставляет документы, участвует в гражданских процессах и сохраняет запись разговора, которая подтверждает обстоятельства сделки?»

Алина всё ещё была уверена, что достаточно внимательно посмотреть материалы — и обвинение рассыплется.

Но дело не рассыпалось.

Оно ушло в суд.

Пришло извещение. Назначили дату.

Алина посмотрела фамилию судьи. Владимир Иванович Сергеев. Она его знала. Не близко. По работе. И почему-то это сначала даже немного успокоило…

Судья Владимир Иванович Сергеев тоже помнил Воронцову.

Она появлялась в судах в качестве юриста.

Собранная. С документами. Понимающая, что говорит.

Раньше она приходила в суд защищать других. Теперь дело, лежавшее перед Владимиром Ивановичем, было о ней самой. И рядом с её фамилией стояло непривычное слово: «подсудимая».

Теперь она стояла перед тем же правосудием уже с другой стороны. Не представляла интересы. Защищала себя.

На заседаниях Алина рассказывала всё. Очень подробно.

Даты.

Последовательность.

Разговоры.

Опека.

Суд.

Деньги.

Покупатели.

Вторая продажа.

Запись.

В какой-то момент судья даже сказал:

— Вы настолько подробно всё рассказали, что я уже не знаю, что у вас спрашивать.

Алина восприняла это почти как хороший знак. Значит, услышал. Заранее подготовила лингвистическое заключение, которое подтверждало: разговор действительно содержал предложение покупателей продать комнату другому лицу. Она просила исследовать запись. Просила провести экспертизу. Получила отказ.

Внутри росло ощущение: суд уже всё решил.

Но самый тяжёлый вопрос повторялся снова и снова.

— Вы вину признаёте?

— Нет, — отвечала она.

— Подумайте, — почти просил ее судья признать вину. Он, конечно же, знал судебную практику и понимал, что если Алина не признает вины – у неё будет реальный срок.

— Я подумала, — отвечала она.

— Вы понимаете последствия своей позиции?

— Понимаю.

— Суд учитывает отношение подсудимого к содеянному, — продолжал судья.

— Я понимаю.

— Тогда ещё раз. Вину признаёте?

— В мошенничестве — нет.

Она могла бы сказать другое. Возможно, получить более мягкое отношение. По крайней мере, так ей объясняли. Но язык не поворачивался произнести: «Я совершила преступление».

Потому что признать факт долга она могла. Признать плохое решение — могла. Признать, что люди потеряли деньги и имели право злиться, — могла.

Но признать, что изначально взяла деньги, намереваясь обмануть, — нет. Это было неправдой. Для неё это была другая история.

И в этом Алина уступать не собиралась.

Даже когда на кону оказалась её собственная свобода.

***

После прений судья объявил перерыв до приговора.

Четыре дня.

Алина вышла из суда с тяжёлым ощущением. Она знала судебную практику. Видела много процессов. Приговор нередко оглашали быстро. На следующий день. Через небольшой промежуток. А тут — четыре дня.

Зачем так долго?

Всю дорогу домой она думала только об этом.

Это хорошо или плохо?

Может быть, судья действительно ещё сомневается?

Перечитывает дело?

Разбирается?

Может быть, эти четыре дня означают, что всё не так однозначно?

Но внутри жила другая мысль. Гораздо страшнее. «А вдруг он уже всё решил? А вдруг эти четыре дня ей дали специально? Побыть дома, с детьми. Поспать в своей кровати. Обнять мать. Собрать вещи. Проститься с нормальной жизнью». Она прогоняла эту мысль. Но она возвращалась снова.

Четыре дня оказались не подарком.

Они стали пыткой.

Если бы приговор был завтра — она хотя бы узнала. Да или нет. Домой или за решётку. Условный срок или настоящая камера.

Но теперь нужно было четыре раза проснуться утром с одной и той же мыслью: «А что со мной будет?» Четыре раза лечь спать и понимать, что ответа всё ещё нет…

На второй день Алина заметила волосы на подушке.

Много.

Провела рукой по голове. На ладони остались ещё.

— Господи… — прошептала она. Она пошла в ванную. Расчесалась. На расчёске опять волосы.

Организм проживал этот страх вместе с ней.

Можно было всем говорить:

— Всё нормально.

Можно было улыбаться детям. Готовить. Разговаривать по телефону. Даже обсуждать какие-то бытовые вещи. Но тело не умело притворяться. Оно знало: что-то идёт не так.

Она никому не сказала, что это могут быть последние дни их обычной жизни.

Даже детям. Особенно детям.

Большая часть денег, полученных от второго покупателя, ещё оставалась у Алины. Те самые деньги, которыми она могла попытаться закрыть часть долга перед первыми покупателями.

Но уголовное дело уже было возбуждено.

И деньги начала тратить всё больше на семью.

На детей.

Особенно в последние дни перед приговором. Будто внутри неё включился какой-то странный обратный отсчёт.

Она покупала детям игрушки. Катала их на лошадях. Оплачивала игровые комнаты. Водила в кафе.

Покупала то, мимо чего раньше могла пройти со словами:

— Не сегодня.

Теперь «не сегодня» почти исчезло из её лексикона.

— Мам, можно?

— Можно.

— А ещё?

— Давай.

— И вот это?

— Бери.

Она разрешала больше, чем обычно. Тратила больше, чем следовало. И дело было уже не в игрушках. Не в лошадях. Не в кафе. Она словно пыталась купить ещё немного их общей жизни.

Ещё один детский смех.

Ещё одно:

— Мам, смотри!

Ещё одну фотографию.

Ещё один день, в котором она рядом.

Иногда Алина смотрела, как дети едят мороженое или спорят из-за какой-нибудь игрушки, и чувствовала почти физическую боль от того, насколько всё это обыкновенное.

Раньше она могла устать. Сказать:

— Всё, поехали домой.

Раздражаться, если дети долго выбирали. Считать деньги. Думать о работе. Смотреть на часы. Теперь она никуда не торопилась.

Пусть выбирают. Пусть играют. Пусть ещё один круг на лошади. Пусть ещё полчаса в игровой. Пусть кафе. Пусть десерт.

Пусть сегодня будет всё.

Артём наблюдал за ней.

В какой-то момент спросил:

— Ты чего разошлась?

— В смысле?

— Всё им разрешаешь.

— Ну и что?

— На тебя не похоже.

Алина посмотрела на детей.

— Пусть радуются.

И больше ничего не объяснила.

Как объяснить человеку, что ты пытаешься надышаться собственной семьёй впрок? Как будто впереди не суд, а какая-то маленькая смерть. Не настоящая. Но смерть той жизни, в которой ты утром просыпаешься рядом со своими детьми. Знаешь, где они. Можешь обнять. Можешь поругать. Можешь купить им игрушку. Можешь просто сказать:

— Собирайтесь, едем домой.

Алина ещё не знала, сколько ей дадут. Год? Пять? Шесть?

Она не знала даже наверняка, посадят ли её. Но тело будто знало раньше разума: времени осталось мало.

Поэтому она смотрела на детей и запоминала. Как Кирилл смеётся. Как младший тянет её за руку. Как они бегут впереди. Как поворачиваются:

— Мам, ну иди быстрее!

И она шла к ним. Улыбалась. Платила за очередную игру. Покупала очередную ненужную игрушку.

И ни один из детей не знал, почему мама вдруг перестала говорить:

— Хватит на сегодня.

Алина хотела только одного. Если через несколько дней за ней действительно закроется железная дверь, чтобы перед глазами осталось не здание суда. Не конвой. Не лицо судьи. А вот это. Её дети. Их смех. Лошади. Игровая комната. Столик в кафе. Маленькие руки, тянущиеся к ней. Она пыталась надышаться ими заранее.

Хотя где-то глубоко внутри уже понимала: детьми невозможно надышаться впрок.

Позже она будет думать об этом решении иначе.

Нет, не жалеть. Но иначе.

Тюрьма вообще плохо уживается с чёрно-белыми ответами…

Перед днём приговора Алина позвонила знакомому адвокату Андрею Семенову.

— Андрей, скажи мне одну вещь. Какой день у суда конвойный?

— Среда, — ответил он.

А приговор был назначен именно на среду.

После этого внутри почти всё стало на свои места. Не юридически. Интуитивно.

Алина положила телефон и подумала: «Значит, всё-таки закроют»…

***

Утром нужно было вести ребёнка в садик.

Самое обычное дело. Одеть. Проверить, всё ли взял. Выйти. Дойти знакомой дорогой.

Алина старалась вести себя как всегда. Не смотреть на Ярика слишком долго. Не обнимать первой. Не плакать. Потому что если начнёт — он почувствует.

Возле садика она присела перед ним.

— Ну всё. Давай.

Сын вдруг обнял её. Не как обычно. Крепко. Обеими руками. Прижался всем телом.

И сказал:

— Мамочка, я тебя так сильно люблю.

У Алины перехватило дыхание. Он говорил ей это и раньше. Конечно, говорил. Но именно сегодня почему-то держал её так, будто тоже что-то чувствовал.

— И я тебя очень люблю, сынок. — Она попыталась улыбнуться. Не получилось.

Слёзы сами пошли по щекам.

— Мам, ты чего?

— Ничего, солнышко. — Она обняла его ещё сильнее.

И в этот момент впервые позволила себе подумать эту фразу до конца: А вдруг я сегодня не вернусь?

Не «если суд решит». Не «возможно». Не юридическими словами.

Просто: мама сегодня может не вернуться домой.

Ей хотелось задержать сына ещё хотя бы на минуту. Не отпускать. Постоять. Запомнить его запах. Маленькие руки вокруг своей шеи.

Но воспитатель уже ждала.

Другие родители приводили детей. Обычное утро продолжалось для всех. Только не для Алины.

— Иди, — сказала она.

Сын сделал несколько шагов. Потом обернулся. Алина махнула ему рукой. Он махнул в ответ.

Дверь в сад закрылась. Она осталась одна. Несколько секунд просто смотрела на эту дверь. Потом вытерла слёзы. Развернулась. И пошла в суд.

Она ещё не знала, что следующий раз обнимет своего ребёнка уже совсем другая женщина.

Женщина, которая будет знать, как пахнет автозак.

Как звучит железный засов.

Как спят в одежде возле разбитого окна.

Как ждут передачи.

И сколько на самом деле может весить одно простое слово: «мама».

Глава 7
Приговор

Утром Алина зашла к матери. Она жила недалеко от суда.

Нина Сергеевна была невысокой женщиной с мягкими чертами лица и удивительно добрыми глазами. Даже когда она сердилась, взгляд у неё оставался тёплым. Она вообще редко повышала голос и больше привыкла заботиться о других, чем жаловаться на собственные проблемы.

Много лет Нина Сергеевна проработала медицинской сестрой в районной поликлинике. Работа была непростой, зарплата небольшой, но она никогда не жаловалась. Привыкла рано вставать, много работать и помогать людям.

Когда в автомобильной аварии погиб её муж, отец Алины, Нина Сергеевна тяжело пережила потерю. Они прожили вместе много лет, и его смерть стала для неё настоящим ударом. После похорон она заметно сдала. Начались проблемы со здоровьем, сильно болели ноги. Иногда даже обычная дорога до магазина давалась с трудом.

Но стоило кому-нибудь из внуков попросить о помощи, как она забывала о собственных болячках.

Особенно много Нина Сергеевна помогала Алине после первого развода. Когда та осталась одна с маленьким Кириллом, мать стала её главной опорой. Забирала мальчика из детского сада, кормила, гуляла с ним, оставляла ночевать, если Алина задерживалась на работе.

Потом родился Ярик, и бабушкиной заботы хватило на двоих.

Она никогда не попрекала дочь тем, сколько времени проводила с детьми. Наоборот, часто сама звонила:

— Алин, привози мальчишек. Чего они дома сидят? Ты своими делами займёшься, а мы тут разберёмся.

И разбиралась. Даже когда ноги болели так, что приходилось подолгу сидеть, вытянув их перед собой.

Алина любила мать. И прекрасно понимала, сколько та для неё сделала. Иногда ей казалось, что именно благодаря маме она вообще смогла после первого развода встать на ноги, получить образование, работать и растить сына.

Нина Сергеевна ничего не знала об уголовном деле. Вообще ничего.

Алина сознательно ей не рассказывала. Не хотела волновать. Знала, что мать начнёт переживать, перестанет спать, будет плакать и придумывать самое страшное. А здоровье у неё и без того было неважное.

Когда Алина вошла, Нина Сергеевна хлопотала на кухне.

— Ой, Алинка! Ты чего так рано? — обрадовалась она. — Проходи. Есть будешь?

— Мам, я ненадолго.

— Ну хоть чаю попей. Я как раз собиралась.

Алина подошла и обняла её. Не так, как обычно, на бегу. А крепко, прижавшись щекой к её плечу.

— Мамочка…

Нина Сергеевна погладила её по спине.

— Ты чего, доченька?

— Да ничего. Просто захотелось тебя обнять.

— Ну обнимай, — улыбнулась мать. — Мне-то что, жалко?

Алина невольно улыбнулась.

Ей вдруг захотелось остаться здесь. Сесть на кухне, выпить с мамой чаю, поговорить о детях, о работе, о какой-нибудь ерунде. И никуда сегодня не идти.

Но скоро ей нужно было идти в суд.

А мать об этом даже не догадывалась.

— Мам, я тебя очень люблю. Я сейчас в суд. Может получиться так, что я сегодня не вернусь.

— Ты чего? — Мать замерла. — Куда не вернёшься?

— Домой.

— Почему?

— Меня могут закрыть.

Нина Сергеевна отстранилась и внимательно посмотрела на дочь.

— В смысле закрыть? Куда?

— В СИЗО, мам. Сегодня суд.

— Алина, ты что такое говоришь? За что?!

Алина коротко, стараясь не вдаваться в подробности, рассказала матери о продаже комнаты. О покупателях, которые сначала отказались от сделки, предложили продать комнату другому человеку, а потом потребовали вернуть всю сумму. О заявлениях в полицию, многочисленных отказах в возбуждении уголовного дела и о том, что в конце концов дело всё-таки возбудили.

— И теперь меня обвиняют в мошенничестве.

— Господи, Алин… А почему ты мне раньше ничего не сказала?

— Не хотела тебя волновать. Думала, разберусь сама.

— И что теперь?

— Не знаю, мам. Буду защищаться. У меня все документы есть, запись разговора. Но если вдруг меня сегодня не отпустят…

— Не говори так!

— Мам, послушай… Просто хочу, чтобы ты знала. Я не виновата… Если что, помоги Артёму с детьми.

Алина посмотрела на часы.

— Всё, мне пора.

Она обняла мать и направилась к двери.

— Доченька, подожди. Я с тобой.

Алина остановилась.

— Куда со мной?

— В суд. Я тебя одну не отпущу.

— Мам, не надо. Пожалуйста.

— Как это не надо? Ты мне сейчас такое рассказала, а я должна дома сидеть?

— Мамочка, я не хочу, чтобы ты всё это видела. У тебя и так здоровье никакое. Я хочу, чтобы ты ещё пожила, понимаешь? Побереги себя.

— Ты моя дочь, Алина. Ты понимаешь это?

— Мам, ну что ты там сделаешь?

— Ничего. Просто буду рядом.

Нина Сергеевна развернулась и направилась в комнату.

Она достала из шкафа одежду, присела на край кровати и принялась переодеваться. Двигалась медленно, с трудом наклоняясь к больным ногам, но останавливаться явно не собиралась.

Никакие уговоры не заставили бы её остаться дома, когда её дочери грозила тюрьма.

***

В зал судебного заседания Алина зашла с небольшим пакетиком. В нем были её вещи. На всякий случай. На случай, если после заседания домой она уже не поедет. Первое время они пригодились бы ей в следственном изоляторе.

Одета Алина тоже была не так, как обычно приходила в суд.

Не деловой костюм. Не каблуки. Не платье.

На ней был спортивный костюм. Удобный. Простой. На ногах — кроссовки.

Её внешний вид говорил то, чего она сама вслух не произносила: готова.

Хотя к такому невозможно подготовиться.

Она могла подобрать одежду. Могла собрать в пакет самое необходимое. Могла заранее узнать, в какой день приходит конвой. Могла обнять детей. Могла сказать матери, что сегодня, возможно, не вернётся. Но невозможно заранее подготовиться к моменту, когда кто-то решит, что отныне ты не сможешь прийти домой.

Алина села на скамью. Пакет поставила возле ног. Посмотрела на него.

Может, зря взяла.

Эта мысль ей понравилась. Пусть зря. Пусть через несколько часов она выйдет из суда, возьмёт этот дурацкий пакет и поедет домой.

Пусть потом будет стыдно за собственный страх.

Пусть.

Она была готова заплатить за это любым стыдом. Только бы вечером открыть дверь своего дома. Но пакет стоял возле её ног. И Алина его не убирала. Она знала, какой сегодня день.

Среда.

День конвоя.

***

В зал судебного заседания вошёл судья.

— Прошу садиться. – И зашуршал бумагами. Кто-то кашлянул.

Алина посмотрела на дверь. Матери ещё не было.

Только бы не успела.

Ей хотелось увидеть маму. Очень. И одновременно она молилась, чтобы мать опоздала.

Она не хотела, чтобы та увидела, как после приговора к дочери подойдет конвой, ей оденут наручники и скажут:

— Воронцова, на выход.

… Когда Алине дали последнее слово, она поднялась.

Ей хотелось сказать очень много. Но вдруг поняла, что уже сказала почти всё.

Алина ещё раз коротко напомнила суду, что никогда не собиралась обманывать покупателей. Она не скрывала получения денег, не отрицала повторной продажи комнаты и того, что не смогла полностью рассчитаться с Сергеем и Светланой. Но настаивала, что именно они предложили продать комнату другому человеку, и это подтверждалось записью разговора.

— Я не отказываюсь от своих денежных обязательств. Я понимаю, что должна вернуть деньги, и буду их возвращать. Но долг — это не мошенничество. Я не брала деньги с намерением их похитить. У меня не было такого умысла ни при заключении договора, ни после. И признавать то, чего я не совершала, я не буду.

Она ненадолго замолчала, посмотрела на судью и продолжила:

— У меня двое детей. Я их воспитываю, содержу, работаю. Я нужна своей семье. Поэтому, если суд всё-таки придёт к выводу о моей виновности, я прошу назначить мне любое наказание, не связанное с лишением свободы. Штраф, условное наказание — что угодно, только не лишайте меня возможности быть рядом с детьми.

Алина опустила взгляд на лежавшие перед ней документы.

— Я не прошу освободить меня от ответственности за свои ошибки. Я прошу не наказывать меня за преступление, которого я не совершала. — Её голос звучал ровнее, чем она ожидала.

На этом она закончила.

Судья слушал.

Пауза.

И снова вопрос:

— Вину признаёте?

Алина почувствовала раздражение.

Всё сводится к двум словам. Да или нет.

— Нет.

Пакет остался у стула. Маленький. Ждущий своего часа.

Алина посмотрела на судью.

Можно было сказать: «Признаю». Одно слово. Может быть, оно ничего уже не изменит. А может быть, изменит.

Она не знала.

Но сказать его не смогла.

Глава 8
Срок

Когда судья вернулся для оглашения приговора, Алина уже не смотрела на пакет.

Она смотрела только на его лицо. Хотела понять раньше слов.

По глазам.

По интонации.

По тому, как он положит бумаги.

Но ничего понять было невозможно.

Прокурор тоже не смотрел на Алину.

Все встали.

Началось оглашение.

Приговор оказался длинным: Фамилии. Обстоятельства. Материалы дела. Формулировки. Ссылки.

Алина сначала пыталась слушать каждое слово. Потом перестала. Она ждала только одного.

И вдруг дверь зала судебного заседания открылась. Алина машинально повернула голову. В зал вошёл конвой — несколько сотрудников в форме. Они не шумели. Не смотрели на неё как-то особенно. Просто вошли и заняли свои места.

Алине больше ничего не нужно было объяснять. Она посмотрела на них — и всё поняла.

Вот зачем среда.

Вот почему четыре дня между последним заседанием и приговором.

Вот почему Андрей сказал ей, что именно по средам здесь конвой.

Вот почему утром она надела спортивный костюм.

Вот зачем принесла с собой маленький пакет вещей.

Всё, что последние четыре дня она пыталась списать на страх, совпадение и собственную мнительность, сейчас стояло в нескольких метрах от неё в форме.

Домой она не поедет.

Приговор ещё не прозвучал. А она уже его услышала. Не знала только цифру.

Один? Три? Пять? Шесть?

Сколько лет сейчас отделят её от детей?

Алина снова посмотрела на судью.

Он продолжал читать. Ровным голосом. Как будто ничего не произошло.

А у неё внутри уже начался какой-то другой отсчёт.

Она вдруг вспомнила утро.

Кирилл. Как он вышел в коридор, когда мама собиралась в суд.

Маленького Ярика. Его сонное личико, тёплые ручонки, которыми он обнимал её за шею, и привычное: «Мамочка, ты скоро придёшь?»

Маму в дверях квартиры. «Мам, я сейчас иду в суд, и, возможно, я не приду».

Своего Тёму.

Дом. Семью. Их обычную жизнь, которая ещё утром казалась такой привычной.

Снова детей.

Я знала.

От этой мысли стало почти физически больно. Она действительно знала. Не приговор. Не срок. Знала, что вечером не придёт домой.

Судья продолжал читать.

Алина уже почти не слышала начало предложений.

Ждала окончания. Того самого.

И наконец услышала:

— …назначить наказание в виде лишения свободы сроком на один год…

Один год.

Алина замерла.

Один. Не пять. Не шесть. Всего один. И одновременно — целый год.

Ей хотелось понять, много это или мало. Но мозг почему-то сразу начал считать не месяцами.

Детьми.

Семьей.

Один Новый год без неё.

Один день рождения каждого из сыновей.

Болезни.

Новые слова младшего.

Изменившееся лицо старшего.

Одна весна. Одно лето. Сотни вечеров, когда она не уложит младшего спать.

Сотни утр, когда не услышит его голос из соседней комнаты.

Утренники.

Триста шестьдесят пять дней, за которые дети будут расти, а она будет узнавать об этом из чужих рассказов и писем.

Сотни ночей, когда Артём ляжет в пустую постель.

И вдруг среди всего этого пришла совершенно простая мысль: «Сегодня Ярик будет ждать меня домой. Кирюха, наверное, знал, догадывался»

Она сглотнула.

Нет.

Сегодня мама не вернётся. Теперь уже точно.

Судья продолжал читать.

Алина стояла и смотрела перед собой. Где-то сбоку находился конвой. Возле её ног — пакет.

За стенами суда была обычная жизнь. Ездили машины. Люди покупали продукты. Забирали детей из садиков. Звонили друг другу и спрашивали: «Ты скоро будешь?»

А её прежняя жизнь только что уместилась в одну фразу: «Один год лишения свободы».

Алина стояла.

Слушала.

Потом прозвучали ещё какие-то слова. Порядок обжалования. Другие юридические формулировки.

Но её прежняя жизнь закончилась на двух словах: «Один год».

К ней подошли.

— Воронцова, на выход.

Алина наклонилась. Подняла с пола маленький пакет. Тот самый, с которым утром вошла в суд.

Значит, не зря.

Почему-то именно эта мысль ударила особенно больно. Не: «Меня посадили». А: «Пакет пригодился». Она прижала его к себе.

В последний раз посмотрела на дверь зала. Мамы не было. Хорошо. Пусть не видит.

Её вывели.

Через несколько минут мать всё-таки прибежит в суд. Будет искать дочь. Спрашивать, куда её увели.

Позже она расскажет Алине, что говорила с судьёй.

И что услышит от него:

— Ваша дочь упрямая.

Но сама Алина в это время уже спускалась туда, куда посетители суда обычно не спускаются.

Вниз.

К конвою.

В спортивном костюме. В кроссовках. С маленьким пакетом вещей в руке.

Утром этот пакет означал: «Возможно». Теперь он означал: «Да».

На первом этаже мать искала дочь.

Она успела прибежать. А Алину в это время поставят лицом к стене.

ЧАСТЬ II. По ту сторону свободы

Глава 9
Первые минуты несвободы

— К стене!

Алина не сразу поняла, что обращаются к ней.

— Что?

— К стене встала! — сказал женский голос. Жёсткий. Без имени. Без «пожалуйста».

Алина повернулась. Встала.

— Ближе!

Она подошла.

— Ноги шире!

Выполнила.

— Руки!

— Куда?

— На стену.

Вот тогда внутри что-то окончательно перевернулось. Ещё утром она застёгивала ребёнку одежду. Несколько часов назад была в зале суда. Теперь стояла лицом к грязной стене. Ноги расставлены. Ладони на стене. Пахло собакой. Металлом. Сыростью. Чужой одеждой. Хотелось плакать.

— Раздевайся!

Алина повернула голову.

— Полностью?

— Я непонятно сказала?

Она разделась. До белья.

— Всё.

— Что всё? Всё снимай!

Алина посмотрела на женщину. Та даже не изменилась в лице.

— Я сказала — полностью.

И Алина впервые разделась перед чужими людьми не потому, что сама этого захотела, не у врача, не в примерочной. Потому что приказали. Проверили одежду. Обувь. Из кроссовок вытащили шнурки.

— Шнурки нельзя, — объяснили Алине.

— Почему?

На неё посмотрели так, будто вопрос был идиотским.

— Нельзя и всё. Вопросы тут задавать не надо.

Потом добрались до бюстгальтера.

— Косточки вытаскивай.

— Как?

— Руками.

— Я его испорчу.

— И что?

Алина смотрела на свой бюстгальтер. Почему-то именно эта маленькая бытовая деталь казалась сейчас абсурдной. Несколько часов назад у неё была жизнь, где можно было переживать, что испортишь бельё. Здесь это никого не интересовало.

Она вытащила косточки. Но хуже было другое. У Алины шли месячные. Средства гигиены были с собой. Их не разрешили оставить. Она сначала решила, что ослышалась.

— Подождите. Мне они нужны.

— Нельзя.

— У меня месячные.

— Воронцова, я тебя услышала, но нельзя.

— А что мне делать?

— Не знаю, — ответила безразличным голосом женщина в форме.

— В смысле не знаете?

Женщина посмотрела на неё. И сказала:

— Нечего было преступления совершать. Тогда бы здесь не задавала вопросы.

Алина захотела снова плакать. Не из-за приговора. Не из-за срока. Из-за этой фразы. Она смотрела на женщину и думала: «Вы же тоже женщина».

Хотела сказать вслух, но не сказала. Не было смысла.

Ей вернули часть вещей. Что-то забрали.

И снова:

— К стене!

Она встала. Лицом к стене.

— Ноги шире! Руки на стену!

Глаза жгло.

Не реви. Только не здесь.

Она не хотела давать им ещё и это. Не потому, что слёзы были слабостью. А потому, что это были её слёзы. Единственное, что пока ещё принадлежало только ей.

Потом Алину закрыли одну в каком-то странном помещении. Оно было крошечным. Примерно два на два. И только металлическая скамья. Стены. Дверь. Всё.

Она села. И впервые за день вокруг стало тихо. Никто ничего не объяснил. Куда её повезут? Когда? Что сейчас делает мама? Знает ли Артём? Кто заберёт ребёнка из садика? Что ему скажут вечером, когда мамы не окажется дома?

Алина вдруг представила: сын стоит у двери детского сада. Все дети расходятся. За кем-то приходит мама. За кем-то папа. А за ним? Сын будет ждать её.

Она вскочила. Подошла к двери.

— Эй!

Никакой реакции.

Постучала.

— Скажите хотя бы, можно позвонить?

Тишина.

— Мне нужно семье сообщить!

Ничего. Никто не реагировал на её просьбу.

Она снова села.

Телефона нет. Часов нет. Окна нет.

Она не знала, сколько прошло.

Двадцать минут? Два часа? Пять? В закрытом помещении время быстро перестаёт быть временем. Остаётся ожидание.

Она думала о детях.

Потом о матери.

Потом об Артёме.

Потом снова о детях.

И впервые в жизни не могла ничего сделать. Нельзя позвонить. Нельзя написать. Нельзя выйти. Нельзя даже узнать, который час.

В какой-то момент за дверью послышались шаги. Металл. Ключ. А потом тот самый звук. Алина подняла голову. Засов отодвинули. Дверь открылась.

— Воронцова!

— Да.

— На выход.

Она встала. Ещё не зная, что впереди будет множество таких команд и закрытых дверей. И каждая будет открываться не тогда, когда захочет она. А когда кто-то снаружи решит: пора.

Глава 10
Дом без Алины

Артёму нужно было объяснить, где мама, не одному ребёнку. И это оказалось едва ли не тяжелее всего. Ярик был ещё маленьким. Ему можно было дать простое объяснение, которое укладывалось в его детский мир. С Кириллом было сложнее. Он был старше. Он видел лица взрослых. Слышал обрывки разговоров. Понимал, что мама ходила в суд. Видел, как последние дни перед приговором она смотрела на них совсем не так, как раньше. Его уже нельзя было убедить одним: «Мама уехала по работе».

Но первым спросил Ярик.

— А мама где?

Артём посмотрел на него.

Вот сейчас нужно было подобрать такие слова, после которых ребёнок сможет вечером лечь и уснуть.

— Мама уехала.

— Куда?

— В командировку.

— Зачем?

— Работать.

Ярик принял ответ почти сразу. Работа была ему понятна. Папа уезжает на работу. Мама работает. Взрослые зарабатывают деньги.

В этом мире всё ещё было устроено правильно.

— А когда вернётся?

Вот здесь Артём замолчал. Нельзя сказать «завтра». Нельзя сказать «через неделю». Сказать маленькому ребёнку «через год» — почти то же самое, что сказать «никогда». Он всё равно не поймёт, сколько это.

— Когда закончит работу.

Ярик немного подумал.

— Она долго будет работать?

— Долго.

— А почему домой нельзя приезжать?

Артём почувствовал на себе взгляд Кирилла. Старший стоял неподалёку и молчал. Он всё понимал. Не детали. Не статью. Не юридические формулировки. Но главное — понимал. Мама не в обычной командировке.

— Далеко, — ответил Артём Ярику. — Очень далеко.

— А она деньги зарабатывает?

— Зарабатывает.

— Много?

— Надеюсь, много.

Ярик удовлетворённо кивнул. Для него объяснение пока сработало и он убежал к игрушкам. И тогда в комнате остались Артём и Кирилл. Совсем другой разговор.

Кирилл посмотрел на него.

— Она не в командировке, да?

Артём не ответил сразу.

Врать младшему было защитой.

Врать старшему — уже почти предательством.

— Нет.

— Её посадили?

Артём медленно выдохнул.

— Да.

Кирилл опустил глаза. Он не заплакал. И от этого Артёму стало ещё тяжелее.

— На сколько?

— На год.

Кирилл молчал. Наверное, пытался представить год. В его возрасте год уже имел размер. Учебный год. День рождения. Новый год. Лето. Каникулы. Целая жизнь между двумя одинаковыми датами календаря.

— Она что-то плохое сделала?

Вот этого вопроса Артём боялся. Как объяснить ребёнку то, о чём спорили взрослые юристы? Как рассказать про сделку, деньги, опеку, второго покупателя, рынок недвижимости, долг, уголовное дело, умысел? И главное — как сделать так, чтобы после всех этих взрослых слов у мальчика не появилось другое слово: «преступница».

Потому что для него это была не подсудимая Воронцова. Это была мама.

— Она совершила ошибку, — сказал Артём. — Большую. А суд решил, что за эту ошибку она должна отвечать.

Кирилл поднял глаза.

— Она плохая?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Мама плохой не стала.

— Тогда почему её посадили?

Артём потёр лицо ладонью.

— Потому что взрослый мир иногда устроен сложнее, чем «хороший» и «плохой».

Кирилл снова замолчал.

— Она вернётся?

— Обязательно вернётся.

— Точно?

Вот здесь Артём мог ответить без всякой легенды.

— Точно.

Из соседней комнаты раздался голос Ярика:

— Кирилл!

Кирилл не пошёл.

— А Ярику не скажем?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что он маленький. Пусть думает, что мама работает.

Кирилл кивнул.

Так у них появился первый семейный секрет.

Вечером Артём собирался укладывать Ярика спать.

— Пап, а где моя пижама?

— Сейчас найдём.

Он открыл один ящик, потом другой. Перебрал детские футболки, носки, шорты.

— Не там, — сообщил Ярик. — Мама в другое место кладёт.

Кирилл, наблюдавший за ними из дверного проёма, молча подошёл к шкафу, достал пижаму с нижней полки и протянул брату.

— Вот. Иди переодевайся.

Ярик убежал в комнату.

— Спасибо, Кирюх, — сказал Артём.

— Да ладно.

Кирилл уже собирался уходить, но остановился.

— Пап, я завтра сам Ярика в садик соберу. Я знаю, где у него вещи.

Артём посмотрел на старшего сына.

— Справимся, Кирюш. Ты мне только помогай иногда.

— Я и буду.

И ушёл к брату.

Для одного сына мама была в тюрьме. Для другого — в далёкой командировке. И Артёму теперь приходилось жить сразу в двух версиях одной и той же реальности. Следить за словами. Не сказать при Ярике «суд». Не сказать «СИЗО» или «изолятор». Не обсуждать передачу, если он рядом. Отвечать на вопросы Кирилла и одновременно поддерживать для младшего историю о маминой работе.

А Ярик продолжал ждать. Он ещё не понимал, что год — это долго. Он просто знал: мама уехала. Мама работает. Мама потом вернётся.

А для Артёма началась другая жизнь. Дом остался тем же. Вещи — те же. Посуда. Мебель. Детские игрушки. Одежда Алины. Только самой Алины не было.

Однажды Артём взял её платье. Повесил отдельно. Так, чтобы оно оставалось рядом. На ткани ещё сохранился её запах. Не просто духи. Не стиральный порошок. Алина. Запах, который раньше был настолько привычным, что Артём его не замечал. Запах женщины, которая проходит мимо тебя по комнате. Спит рядом. Обнимает ребёнка. Разговаривает. Злится. Смеётся. Живёт. Теперь Артём подходил к платью. Прижимался лицом. Вдыхал. Иногда закрывал глаза. На несколько секунд можно было обмануть себя. Она здесь. Сейчас войдёт. Скажет:

— Тём…

Он откроет глаза. А перед ним пустое платье.

И тогда из другой комнаты:

— Пап!

Артём отпускал ткань.

— Иду, Ярик.

Потому что сын был дома. А значит, некогда было разваливаться.

Теперь их было трое. И Артёму предстояло научиться жить за двоих взрослых. Хотя бы до тех пор, пока мама не вернётся из своей очень долгой «командировки».

А в это время Алина сидела на металлической лавочке в следственном изоляторе. Без телефона. Без часов. Без шнурков. И ещё не знала, в какой камере проведёт первую ночь. Она смотрела в темноту и думала только об одном: «Что он сказал детям?»

Глава 11
Добро пожаловать в СИЗО

И снова раздеться. Снова проверка. Снова чужие глаза. Снова команды.

Потом заставили несколько раз присесть. Алина не понимала зачем. Позже узнала. Так проверяли, не спрятано ли что-нибудь запретное внутри её тела.

До этого ей даже в голову не приходило, что женщины могут проносить запрещённые предметы таким способом.

Она оделась. Взяла свой маленький пакет. Тот самый, с которым утром пришла в суд. Теперь этот пакет был единственным, что связывало её с утром.

— Пошли.

Её повели за матрасом и остальными вещами. Алина шла под конвоем по длинному коридору. Окон не было. Вообще. Только стены, тусклый искусственный свет и двери.

Одна дверь.

За ней другая.

Потом ещё одна.

Возле каждой останавливались. Щёлкал замок. Открывали. Проходили. За спиной снова закрывали.

Клац.

Несколько метров. Следующая дверь.

Клац.

Поворот. Ещё коридор. Ещё дверь.

Алина очень быстро потеряла ощущение направления.

Где улица? В какой стороне выход? На каком она этаже? Куда её ведут? Она не знала.

Казалось, здание специально устроено так, чтобы человек перестал понимать пространство. Здесь не было привычных ориентиров — окон, солнца, деревьев, машин за стеклом. Только стены. Двери. Замки. И человек впереди, за которым нужно идти.

Она прижимала к себе свой маленький пакет. На фоне этих коридоров он выглядел почти нелепо. Несколько часов назад она сама положила туда вещи. Сама выбрала спортивный костюм. Сама завязала пакет. Сама закрыла за собой дверь дома. Тогда она ещё могла выбирать.

Теперь ей начали выдавать то, чем предстояло пользоваться здесь.

Первым был матрас. Если это вообще можно было назвать матрасом. Алина взяла его и несколько секунд просто смотрела. Ткань когда-то, наверное, имела какой-то цвет. Теперь она была неопределённо серо-бурой, затёртой, с пятнами, происхождение которых лучше было не пытаться угадывать. Наполнитель внутри давно перестал лежать ровно. В одном месте матрас был почти пустой — две тонкие тряпки, между которыми едва чувствовалось что-то мягкое. В другом наполнитель сбился в плотный тяжёлый ком.

Казалось, на этом матрасе годами спали, сидели, его складывали, бросали, таскали по полу, сворачивали, разворачивали — и он впитал в себя всех, кто лежал на нём до неё.

Алина невольно подумала: «На этом кто-то спал вчера». А до него — кто-то ещё. И никто не мог сказать ей, сколько таких людей было. Матрас пах. Не каким-то одним запахом. Сыростью. Пылью. Старой тканью. Чужим телом. Казённым помещением. Она попыталась взять другой.

— А можно мне вот этот?

На неё посмотрели так, будто вопрос был совершенно неуместным.

— Выбирать дома будешь. Что дали, то и бери.

Алина промолчала.

Дома.

Одно короткое слово ударило неожиданно сильно. Ещё утром у неё действительно был дом. Там была её кровать. Чистое бельё. Подушка, которую она сама покупала. Одеяло. Полотенце. Кружка. Самые обычные вещи, цену которых человек не замечает, пока у него не отнимут право выбирать даже подушку.

Подушка оказалась ещё хуже матраса. Маленькая, тяжёлая, сбитая в один плотный ком. Внутри наполнитель собрался кусками: один угол был раздут, другой почти пуст. Если положить её ровно, голова всё равно должна была лежать набок, будто на мешке со старыми тряпками. Наволочка ситуацию не спасала. Алина сжала подушку рукой. Она почти не промялась.

— На этом спать? — пробежало в голове.

Следом ей выдали одеяло. Тяжёлое. Грубое. Колкое на ощупь. Оно выглядело так, будто пережило больше зим, чем сама Алина. Края местами были потёрты, ткань свалялась, цвет давно потерял первоначальный оттенок. От него тоже шёл тот особый казённый запах — пыль, сырость, старый текстиль. Ей захотелось отодвинуть его от лица. Но выбора опять не было.

Потом посуда. Тарелка. Алина взяла её в руки и машинально повернула к свету. Старая. Затёртая. Вся в мелких царапинах. По краю — сколы. Она подумала о своей кухне. О тарелках в шкафу. О том, как ещё недавно могла открыть дверцу и выбрать любую. Большую. Маленькую. Глубокую. Сейчас ей выдали одну. И это была теперь её тарелка.

Следом — железная кружка. Холодная в руке. Поцарапанная. С потемневшим металлом и следами долгого использования. Алина заглянула внутрь. На стенках остался какой-то налёт. Она машинально провела пальцем по краю и тут же вытерла руку о спортивные штаны.

— А другой нет?

Ответила даже не сотрудница.

Кто-то рядом усмехнулся:

— Ты куда приехала?

Алина подняла глаза. Хотелось ответить. Очень хотелось. Но она промолчала.

Потом дали ложку. Обычную металлическую ложку, исцарапанную настолько, будто ею не ели, а годами скребли стены.

Вилка не полагалась.

Нож — тем более.

Тарелка. Кружка. Ложка. Матрас. Подушка. Одеяло.

Вот и всё.

Новый быт Алины Воронцовой.

Она стояла посреди коридора, маленькая, худенькая, в спортивном костюме, с собственным пакетом в одной руке и грудой казённых вещей в другой.

Матрас норовил развернуться. Одеяло сползало. Подушка падала. Кружка стукалась о тарелку. Никто не собирался помогать.

— Подбирай.

Алина нагнулась. Подхватила упавшую вещь. Снова попыталась удержать всё сразу. И пошла дальше.

Впереди опять была дверь. Её открыли. Алина прошла. За спиной закрыли.

Клац.

Ещё коридор. Ещё дверь.

Клац.

И только теперь до неё начало доходить по-настоящему: это не суд.

Не несколько часов.

Не какое-то недоразумение, которое сейчас закончится.

Её действительно привезли в СИЗО.

У неё действительно отобрали шнурки.

Действительно заставили раздеться.

Действительно выдали этот матрас. Эту подушку. Эту кружку. Эту ложку.

И сегодня она уже будет этим пользоваться. А её собственная кровать останется пустой. Её чашка будет стоять дома в шкафу. Её полотенце будет висеть там, где она его оставила. Дети лягут спать без неё. Артём выключит свет.

А она даже не знает, в какую сторону от этих коридоров находится её дом.

— Быстрее, — бросили впереди.

Алина крепче прижала к себе матрас и пакет. И пошла. Через следующую дверь. Потом ещё через одну. Пока наконец впереди не остановились.

Металл.

Замок.

Тяжёлая дверь.

Сотрудница назвала номер камеры. Загремели ключи.

Алина вдруг очень захотела, чтобы дверь не открывалась. Хотя бы ещё несколько секунд.

Потому что всё, что было до неё, она уже увидела.

А что находилось за этой дверью, она пока не знала.

Камера открылась.

— Заходи.

Алина переступила порог, кое-как удерживая матрас, одеяло, подушку, посуду и свой маленький пакет.

Первое, что она почувствовала, — запах. Табачный дым.

Не свежий запах одной только что выкуренной сигареты, а въевшийся в стены, матрасы, одежду, волосы. Казалось, здесь курили годами и дым уже стал частью самой камеры.

Алина не курила. От этого воздуха сразу запершило в горле.

Камера была небольшой и тёмной. На шесть человек.

Почти всё пространство занимали железные койки, стоявшие одна над другой. Позже Алина узнает, что кровать здесь называется «шконкой». Слово ей сначала даже не понравилось. Грубое какое-то. Тюремное. До этого кровать была кроватью. Теперь — «шконка».

Вообще здесь очень быстро выяснялось, что привычные вещи имеют другие названия.

И сама жизнь — другие правила.

Свободной оказалась верхняя шконка. Алина подняла голову.

Туда?

Ей предстояло каким-то образом забраться наверх вместе со своим страшным матрасом и постелью.

Она пока стояла у двери и осматривалась.

На окне были решётки. За ними — старое грязное стекло. Одно из стёкол было разбито. От него остались неровные края, а в образовавшуюся щель тянуло уличным воздухом. Алина невольно задержала на ней взгляд.

И так живут?

На улице уже вечерами было холодно.

Она ещё не знала, что разбитые окна станут для неё отдельной тюремной историей. Что потом она будет писать заявления, просить вставить стёкла и пытаться объяснить очевидное: люди здесь тоже мёрзнут.

Пока она просто смотрела на дыру в окне и чувствовала, как оттуда тянет холодом.

Под окном стояла батарея. На ней сушились чужие вещи. Носки. Какое-то бельё. Полотенце. Что-то тёмное, выстиранное и выкрученное вручную.

Часть одежды была развешана рядом.

И от всего этого — мокрой ткани, сигарет, старых матрасов, еды и человеческих тел — в камере стоял тяжёлый смешанный запах.

В углу находился туалет. Алина сначала даже не поняла, что это он. Никакой отдельной комнаты. Никакого нормального туалета в том понимании, каким он должен быть на воле.

Место с унитазом было отгорожено от остальной камеры перегородкой высотой примерно в метр. То есть если человек садился, какая-то видимость уединения ещё появлялась. Если вставал — снова оказывался практически у всех на виду. Была и небольшая дверца. Только нормально она не закрывалась. Её можно было прикрыть, придержать, попытаться поставить так, чтобы она хотя бы создавала ощущение, будто между тобой и остальными есть граница. Настоящей границы не было.

Рядом — раковина. Обычная, старая. Над ней — пустая стена. Зеркала не было.

Алина машинально посмотрела туда, где оно должно было висеть. Ничего. Она ещё утром видела себя в зеркале дома. Поправляла волосы. Смотрела, как сидит спортивный костюм. Видела своё лицо перед выходом. Теперь даже собственного отражения у неё не было. Только вода. Раковина. Стена.

Она перевела взгляд на женщин. И вот тут испытала ещё один маленький шок.

До тюрьмы Алина представляла заключённых совсем иначе. Наверное, как большинство людей, которые никогда не были по эту сторону двери. Ей казалось, что она сразу увидит каких-то особенных женщин. Опасных. Грубых. С лицами, по которым будто можно прочитать совершённое преступление. Но перед ней сидели обычные женщины. И одновременно — совсем не такие, к каким она привыкла в своей прежней жизни. Кто-то был растрёпан. У одной волосы были собраны кое-как, у другой торчали в разные стороны после сна.

Никакой косметики.

Никаких уложенных волос.

Никаких привычных женских мелочей, которыми утром приводишь себя в порядок почти не задумываясь.

Усталые лица. Домашняя одежда. Растянутые футболки. Штаны. Тапочки. Кто-то курил. Кто-то лежал. Кто-то сидел, поджав ноги.

Одна женщина посмотрела на Алину с откровенным любопытством. Другая — безразлично. Третья задержала взгляд на её спортивном костюме, на пакете, на лице. Новенькая. Это было видно сразу.

Алина вдруг особенно остро почувствовала себя чужой. Она привыкла следить за собой. Любила хорошо выглядеть. Даже без особого повода могла привести в порядок волосы, лицо, одежду.

Ещё вчера всё это было совершенно естественным. Здесь её прежние привычки казались чем-то из другой жизни.

Женщины продолжали рассматривать её. И Алина рассматривала их.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

Потом одна сказала:

— Заходи, чё стоишь? Статья какая?

Алина ещё не привыкла, что знакомство здесь начинается именно с этого.

Не: «Как тебя зовут?» Не: «Откуда ты?» А статья.

— Сто пятьдесят девятая. Часть третья.

Кто-то кивнул.

— Мошенничество.

Кто-то улыбнулся: «Мошенница».

Алина почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она уже слышала это слово в полиции. В суде. В приговоре.

Но услышать его здесь, в прокуренной камере, от незнакомой женщины оказалось почему-то особенно тяжело.

— Срок?

— Год.

Теперь на неё посмотрели уже внимательнее.

— Всего?

Алина едва не усмехнулась.

Всего.

Для них — всего.

Для неё ещё несколько часов назад один год был огромной чёрной дырой, в которую провалилась вся её жизнь.

Женщина показала наверх:

— Твоя шконка.

Алина снова подняла голову.

— Что?

— Шконка. Кровать твоя. Верхняя.

Вот так она впервые услышала это слово.

Шконка.

Через несколько дней сама будет его употреблять, не задумываясь: «села на шконку», «легла на шконку», «убрала под шконку».

А сейчас она смотрела наверх и думала только о том, как туда забраться.

Койка была железная. Узкая. Никакого привычного основания, никакого изголовья, никакого ощущения кровати.

Просто место, куда нужно положить выданный ей сбитый матрас и назвать это своим спальным местом. Своим.

Это слово здесь звучало почти издевательски. Своего у неё теперь практически ничего не было. Только маленький пакет, принесённый из дома.

Алина положила вещи, взялась за матрас и попыталась поднять его наверх. Он оказался неудобным, тяжёлым, всё время сгибался и цеплялся.

Одна из женщин некоторое время наблюдала.

Потом не выдержала:

— Давай сюда.

Подхватила снизу.

Вместе они затолкали матрас наверх. Потом подушку. Одеяло.

Алина забралась следом. Села. Отсюда камера выглядела ещё меньше. Внизу — женщины. Чужая одежда на батарее. Раковина без зеркала. Метровая перегородка туалета. Незакрывающаяся дверца. Сигаретный дым. Разбитое стекло. Железная дверь. И её маленький пакет возле стены. Всё.

Вот теперь это было её пространство.

Алина подтянула ноги и прислонилась к стене.

Ей хотелось одного — чтобы никто её не трогал. Не спрашивал. Не смотрел. Дать себе хотя бы несколько минут понять, как женщина, которая ещё утром отвела ребёнка в садик, к вечеру оказалась на верхней шконке в прокуренной камере СИЗО.

Но тюрьма не собиралась давать ей время привыкнуть.

Снизу снова спросили:

— Ты есть хочешь?

Алина посмотрела вниз.

И только теперь вспомнила, что с самого утра ничего не ела. Но голода почему-то не чувствовала. Всё внутри было настолько сжато событиями этого дня, что организм словно отложил обычные потребности на потом.

— Нет, спасибо.

Она немного помолчала. И вдруг вспомнила о другом — у неё шли месячные.

Утром, собираясь в суд, Алина положила в свой маленький пакет прокладки. Но потом их забрали, сказав, что не положено. А ведь это элементарная гигиена, считала Алина.

Нужно было как-то решать проблему.

Алина сидела на верхней шконке и несколько минут не решалась спросить.

Просить прокладку у совершенно незнакомых женщин ей было неловко.

Ещё утром она могла зайти в любой магазин и купить всё, что нужно. Теперь у неё не было ни магазина. Ни денег под рукой. Ни возможности просто выйти за дверь. Даже такая мелочь, о которой в обычной жизни не думаешь, вдруг стала зависеть от чужих людей.

Наконец Алина наклонилась вниз.

— Девочки…

Женщины посмотрели на неё.

— У вас прокладки случайно нет?

Она ожидала чего угодно. Насмешки. Раздражения. «Сама должна была думать». Но одна из женщин почти сразу потянулась к своим вещам.

— Есть. Сейчас. — Достала прокладку и протянула Алине.

Просто так. Без вопросов.

— Спасибо.

— Да не за что. Бери.

И именно эта прокладка стала, наверное, первой трещиной в том образе, который Алина сама себе нарисовала до тюрьмы. Она боялась этих женщин. Смотрела на них и думала: убийцы, воровки, наркоманки, мошенницы — кто знает, за что они здесь?

А первая помощь в камере пришла именно от одной из них.

— У тебя вообще что-нибудь есть? — спросила другая.

Алина показала на маленький пакет.

— Немного. Что в суд взяла. В основном документы.

— Родные знают, куда тебя увезли?

Алина задумалась.

— Наверное. Мама собиралась в суд. Артём тоже узнает.

— Завтра узнают, что тебе можно передать. Принесут самое необходимое.

— А что можно?

Женщины заговорили почти одновременно: полотенце, мыло, зубную щётку, пасту, расчёску, прокладки, бельё. Ещё перечислили какие-то разрешённые вещи. И продукты.

— Но лучше пусть сначала узнают правила передачи, — сказала одна. — А то половину могут не принять.

Алина слушала и вдруг почувствовала странное облегчение.

Завтра.

До этой минуты завтра представлялось ей продолжением сегодняшнего кошмара. А теперь у завтрашнего дня появилось хоть что-то конкретное.

Мама узнает, где она. Артём узнает. Они будут собирать ей вещи. Возьмут дома её полотенце. Её расчёску. Купят прокладки. Может быть, положат что-нибудь из еды.

Они будут делать что-то для неё. Значит, там, снаружи, ещё помнят о ней. Значит, ещё не вычеркнули из семьи только потому, что за ней закрылась железная дверь.

— Передачи обычно быстро доходят? — спросила Алина.

— По-разному.

— А я узнаю, кто принёс?

— Узнаешь.

Алина кивнула. Ей вдруг стало очень важно, чтобы завтра действительно что-нибудь принесли. Не потому, что она не могла прожить без еды один день. И даже не из-за полотенца или зубной щётки. Просто ей нужно было получить оттуда хоть что-нибудь. Из дома. От своих.

Любую вещь, которой касались руки мамы или Артёма. Как доказательство того, что по другую сторону всех этих коридоров, решёток и железных дверей её всё ещё помнят…

Ужин Алина не ела.

От еды несло рыбой. Рыбу она терпеть не могла ещё на воле, но здесь этот запах был просто невыносимым. Тяжёлый, тошнотворный, с примесью прогорклого жира и чего-то затхлого, он моментально заполнил камеру.

В тарелке лежал бесформенный сероватый кусок разваренной рыбы. Кожа местами отслоилась, обнажив рыхлую мякоть, которая расползалась от одного прикосновения ложкой. На поверхности мутной жижи плавали мелкие чешуйки и жирные пятна. Особенно отвратительно выглядела серая, скользкая кожа, свисавшая с куска рыбы.

Алина невольно поморщилась. Её буквально передёрнуло от отвращения.

Она попыталась отодвинуть тарелку подальше, но запах никуда не исчезал. Он въедался в воздух, смешивался с духотой камеры, и казалось, что им пропиталось всё вокруг.

К горлу подкатила тошнота.

— Господи, какая гадость, — пробормотала она, прикрыв нос ладонью.

Есть хотелось. За весь день она почти ничего не съела. Но мысль о том, что придётся положить в рот эту склизкую массу, вызывала рвотный позыв.

Алина решительно отодвинула тарелку.

Нет. Лучше остаться голодной.

***

На завтрак принесли кашу и хлеб.

Каша представляла собой сероватую, вязкую массу, в которой плавали какие-то разбухшие комки. По краям тарелки собралась мутная водянистая жижа. Ни масла, ни сахара. Даже запаха нормальной еды не было — лишь неприятный дух переваренной крупы.

Алина брезгливо помешала кашу ложкой. Та тянулась за ней липкой массой, а затем тяжело сползала обратно в тарелку. Выглядело это настолько неаппетитно, что пробовать совершенно не хотелось.

Она отодвинула кашу и взяла кусок хлеба. Казалось бы, что можно испортить в обычном хлебе?

Но стоило разломить его пополам, как Алина поморщилась ещё сильнее.

Под тёмной коркой скрывался сырой, липкий мякиш. Он не крошился, как нормальный хлеб, а тянулся плотными, влажными комками, напоминая непропечённое тесто. При нажатии пальцами сминался в липкую массу, которая приставала к коже. От хлеба исходил неприятный кисловатый запах сырой муки.

— Господи, он же сырой внутри… — пробормотала Алина, разглядывая кусок.

Ей стало противно даже держать его в руках. Она положила хлеб обратно, вытерла пальцы и отодвинула тарелку.

Желудок неприятно сводило от голода, но от одного взгляда на завтрак к горлу подкатывала тошнота.

Алина привыкла к хорошей еде. Не к ресторанным изыскам, а к самой обыкновенной домашней пище. К свежему хлебу, нормальной каше, приготовленной с маслом, к горячему завтраку на собственной кухне. Она никогда не считала это роскошью.

Теперь перед ней стояла тарелка с серой размазнёй и лежал кусок сырого хлеба.

Она ещё раз посмотрела на завтрак.

Нет. Такое она есть не станет.

И Алина снова выбрала остаться голодной…

После такого завтрака Алина окончательно поняла, что на казённом питании долго не протянет. Есть хотелось, но заставить себя проглотить эту отвратительную массу она не могла. Впервые в жизни голод оказался менее мучительным, чем отвращение к еде.

Спустя некоторое время за дверью послышались звуки, затем открылось маленькое окошко в двери.

— Воронцова! Передача!

Она поспешно подошла к двери. Ещё несколько минут назад её мутило от одного вида казённой еды, а теперь она с нетерпением смотрела на пакеты, собранные родными.

Наконец-то можно будет нормально поесть.

Но ещё важнее было другое: передача пришла из дома. Значит, родные знают, где она находится, помнят о ней и стараются помочь.

Полотенце. Мыло. Зубная щётка. Расчёска. Прокладки. Обычные вещи. Алина держала их в руках и впервые поняла, что свобода состоит не только из права выйти за дверь. Свобода — это ещё и собственные продукты и вещи.

***

На следующий день женщины перестали выглядеть одним страшным пятном. У них появились имена. Истории.

Одна рассказывала, что сдала квартиру без договора, а арендаторы устроили там наркопритон.

Другая сидела за убийство мужа. Застала с любовницей.

Третья — за убийство отчима, который, по её словам, годами избивал мать.

Алина слушала. Не оправдывала. Но впервые увидела разницу между словом «убийца» и живым человеком, сидящим напротив.

В тюрьме вообще быстро выясняется: каждый рассказывает свою версию. Кто-то честно. Кто-то наполовину. Кто-то врёт так убедительно, что почти веришь.

Через некоторое время Алина перестанет верить словам «я невиноват» только потому, что их произносили уверенно.

В том числе и своим.

Глава 12
Затемнение

На третий день Алину повели на флюорографию.

Как ей объяснили женщины в камере, через это проходили все вновь прибывшие. Медицинский осмотр, анализы, флюорография — свои правила при поступлении.

Алина отнеслась к этому как к очередной обязательной процедуре.

После раздевания до гола, досмотров, коридоров и первой ночи на шконке её уже трудно было удивить тем, что куда-то ведут и ничего толком не объясняют.

Сделали снимок.

Никто ничего не сказал. Ни врача. Ни объяснений. Ни слов о том, что на снимке что-то обнаружили.

Алина вернулась в камеру и почти сразу перестала об этом думать. У неё хватало других мыслей. Дом. Дети. Мама. Артёмй. Что теперь вообще происходит с её жизнью?

А через некоторое время за ней пришли.

Открылась дверь.

— Воронцова, с вещами на выход.

Алина посмотрела на сотрудника изолятора.

В какой-то момент она подумала, что её нахождение в СИЗО – это ошибка правосудия, наконец-то, видимо, разобрались и пришли к ней, чтобы отпустить её домой.

— Собирайся. Пошли.

Вот и всё объяснение.

Алина ещё не знала, что одна из самых тяжёлых вещей в заключении — когда другие люди знают, что сейчас произойдёт с тобой, а ты сама не знаешь. Тебе говорят: «С вещами». И ты собираешь вещи. Говорят: «На выход». И ты выходишь. А куда? Зачем? На сколько? Что будет за следующей дверью? Объяснять тебе тут никто не обязан.

Алина собрала всё, что успело стать её имуществом за эти сутки. Страшный матрас. Сбитую подушку. Одеяло. Казённую посуду. Свой маленький пакет. Вещи и продукты, которые только вчера принесли из дома.

Сокамерницы посмотрели на неё.

— Переводят, что ли?

— Видимо.

— Куда?

Алина пожала плечами. Попрощалась и вышла.

Снова коридоры.

Снова двери.

Снова ключи.

Клац.

Открыли. Прошла.

Клац.

Закрыли за спиной.

Алина шла под конвоем, прижимая к себе вещи. Матрас мешал. Одеяло сползало. Пакет бился о ногу. Она пыталась запомнить дорогу, но очень быстро перестала понимать, где находится.

В какой-то момент стало ясно: её ведут не просто в соседнюю камеру.

Другой переход. Другой коридор. Потом другой корпус.

— А куда мы идём? — снова спросила Алина.

— Дойдёшь — узнаешь.

Она почувствовала раздражение.

— А почему сказать нельзя?

Ответа не последовало.

Алина шла дальше. В голове перебирала варианты.

Может, переводят в другую камеру. Может, из-за отсутствия мест. Может, что-то связано с её делом. Может, сейчас будет какой-нибудь очередной допрос. Она не знала.

Наконец её привели в другой корпус.

Новая дверь. Новый коридор. Новая камера. На этот раз — на двоих.

— Заходи, — сказали Алине.

Внутри уже находилась женщина.

Худая, с резкими чертами лица и уставшей кожей. Волосы собраны кое-как. В пальцах сигарета. Она посмотрела на Алину тем быстрым оценивающим взглядом, которым здесь, кажется, умели смотреть все, кто сидел не первый раз. Это была Татьяна. Она была наркоманкой и сидела уже не впервые. Тюрьма не вызывала у неё того ошеломления, которое пока не отпускало Алину.

Она знала тюрьму лучше, чем Алина знала собственный двор…

Алина поставила вещи. Дверь закрылась.

Клац.

— Добрый день. Куда меня привели? Третий день и уже вторая камера. Почему я здесь? — спросила Алина у Татьяны.

Та посмотрела на неё с лёгким удивлением.

— Это тубанар.

Алина не поняла. Ещё одно новое слово. За последние сутки их становилось всё больше.

— Что?

— Тубанар — туберкулёзное отделение, — объяснила Татьяна.

Алина несколько секунд смотрела на неё.

— В смысле — туберкулёзное?

— В прямом.

— А я здесь почему?

Татьяна пожала плечами.

— Ну, наверное, что-то нашли, флюшку делала или флюрографию?

— Да, делала. А что могли найти? Я здорова.

Татьяна посмотрела на неё и спросила:

— Первоходка?

Алина не поняла.

— Кто?

Татьяна усмехнулась.

— Первоходка, говорю. Первый раз сидишь?

Вот оно что. Ещё одно новое слово.

— Первый.

— Ну, значит, первоходка.

Алина кивнула, будто запоминая термин на занятиях.

За последние два дня привычный русский язык начал стремительно обрастать словами, которых раньше в её жизни просто не существовало. Шконка. Теперь — «тубанар» и «первоходка».

Первоходка — та, кто оказалась здесь впервые. Та, кто ещё не знает правил. Задаёт слишком много вопросов. Удивляется тому, чему остальные давно перестали удивляться. Не понимает, почему дверь открывают только снаружи. Не знает, когда можно обратиться к

сотруднику. Не знает местных порядков. Не знает, кому верить. Не умеет отличать искреннюю помощь от той, за которую однажды могут потребовать ответную услугу.

Татьяна знала здесь всё. Когда можно требовать. Когда бесполезно. Какие слова употребляют и что означают местные слова. Как передают новости и передачи местные. Как живут за этими дверями. Что можно спрашивать, а о чём лучше промолчать. К кому обращаться. Кому не верить. Какие вещи здесь имеют цену.

Алина посмотрела на Татьяну.

— А ты, получается, не первоходка?

Татьяна хмыкнула.

— Я? Нет.

В этом коротком «нет» чувствовалось столько опыта, что продолжать расспрашивать Алине почему-то не захотелось, но Татьяна уточнила:

— Я кратка. Не первый раз сижу.

Ещё новое слово — «кратка».

Алина поймала себя на мысли, что за какие-то два дня выучила больше новых слов, чем за последние несколько лет. Шконка. Тубанар. Первоходка. Кратка.

Здесь говорили по-другому.

И самое страшное было в том, что Алина уже начинала понимать этот язык.

— А сколько раз ты сидела? — спросила она.

Татьяна посмотрела на неё.

— Потом расскажу. — И отвернулась.

Алина не стала лезть дальше. Она уже поняла ещё одно местное правило, хотя пока никто не произносил его вслух: не каждый вопрос здесь требует ответа.

Алина начала устраиваться. Развернула матрас. Положила его на свободную шконку и несколько раз провела ладонью, пытаясь разогнать сбившиеся внутри комки. Бесполезно. В одном месте матрас был почти пустым, в другом под рукой чувствовался плотный бугор.

Алина застелила его выданным бельём. Положила подушку. Расправила тяжёлое одеяло. Достала из пакета свои вещи. Теперь их хотелось раскладывать особенно аккуратно. Зубная щётка — сюда. Полотенце — сюда. Расчёска. Мыло. Еда из передачи.

В обычной жизни всё это могло валяться дома по шкафам и полкам, и Алина даже не заметила бы этих вещей. Здесь каждая из неё стала ценностью.

Своё. Из дома.

Она сложила пакет и убрала его.

Потом села на шконку. Всё. Она устроилась. Если это вообще можно было так назвать.

Несколько квадратных метров. Две женщины. Туалет. Раковина. Железная дверь.

И слово «тубанар», смысл которого она пока отказывалась примерять на себя.

Алина сидела, обхватив колени руками.

Татьяна молчала. Она вообще оказалась не слишком разговорчивой. Не расспрашивала Алину о деле, семье, детях. Не пыталась знакомиться ближе. Не рассказывала о себе. Лежала на своей шконке, иногда курила, что-то перебирала в вещах, ненадолго вставала к раковине.

И в этой тишине мысли догнали Алину.

Что сейчас дома?

Этот вопрос оказался страшнее многих других. Потому что жизнь там не остановилась.

Пока она расправляла казённую простыню, дома Ярик мог спрашивать:

— А мама когда приедет?

Пока она пыталась устроить голову на сбитой подушке, Артём кормил детей. Наверное, искал, что приготовить. Открывал холодильник, доставал продукты, ставил тарелки.

Теперь всё, что раньше делалось вдвоём или просто происходило само собой, лежало на нём.

Покормить. Помыть. Переодеть. Уложить. Проверить, всё ли готово на завтра.

Ответить на очередное:

— А мама где?

Ярик ещё верил в командировку. Для него мама просто уехала работать.

Наверное, он представлял какое-то далёкое место, где она ходит на работу, получает деньги и однажды обязательно приедет домой.

Кирилл знал больше. Алина представила его лицо. Как он там? Кирилл всегда казался ей уже большим. Особенно рядом с Яриком. Но сейчас она вдруг подумала: «Какой же он большой? Он мой ребёнок». И от этого защемило ещё сильнее.

Она легла на шконку и отвернулась к стене.

Дома в это время Артём учился жить без неё.

Не вообще. Не навсегда. Просто один вечер. Потом ещё один. И ещё.

Наверное, именно так и начинается год — не сразу тремястами шестьюдесятью пятью днями, а первым вечером, когда нужно одному уложить детей.

А мама Алины в это время, наверное, собирала очередную передачу.

После первого шока у неё появился еще один повод заботиться о дочери.

Она выясняла, что разрешено передавать. Покупала необходимое. Перекладывала продукты. Проверяла пакеты. Наверное, несколько раз возвращалась к уже собранному и снова перебирала всё руками: это можно? это примут? а этого хватит?

Её дочь находилась где-то за стенами СИЗО, и мама не могла ни зайти к ней, ни накормить, ни укрыть одеялом. Можно было только собрать пакет. И передать.

Алина лежала в туберкулёзном отделении и ничего этого не видела. Она могла только представлять. От этого становилось ещё тяжелее.

Ей хотелось знать самые обычные вещи. Поел ли Ярик. Что делал Кирилл. Уложил ли Артём детей. Как мама пережила эти дни. Кто выключил свет в доме.

Вот тогда дом, наверное, и становился по-настоящему пустым. Отсутствие Алины стало слышно.

В её половине кровати.

В ванной.

На кухне.

В одежде.

В тишине.

А пока Алина лежала на чужой шконке и смотрела в стену. Между ней и семьёй было не так уж много километров. Но добраться домой она не могла.

Она повернулась на другой бок.

— Не спишь? — неожиданно спросила Татьяна.

— Нет.

— Первые дни никто не спит нормально.

Алина посмотрела на неё.

— Я думаю, что они сейчас делают. Дома.

Татьяна поняла без уточнений.

— Домашние?

— Дети. Мама. Муж.

Татьяна затушила сигарету.

— Самое тяжёлое здесь — не знать.

Алина ничего не ответила.

Впервые за весь вечер Татьяна сказала именно то, что она чувствовала.

Не знать.

Не видеть.

Не иметь возможности войти в детскую и проверить, укрыт ли ребёнок.

Не услышать голос мамы.

Не знать, лёг ли Артём или опять ходит по дому.

Не знать, плакал ли кто-нибудь сегодня из-за неё.

Алина закрыла глаза.

Где-то там её семья училась жить без неё. А она здесь училась жить без них. И пока никто из них ещё не понимал, как прожить так целый год…

Глава 13
По ту сторону продола

На следующее утро Алина проснулась от уже знакомого звука.

Клац.

Замок. Металлическая дверь камеры открылась.

— На проверку. Выходим.

Алина открыла глаза. Татьяна уже вставала со шконки.

— Давай, первоходка. Поднимайся, пошли на продол.

— Куда?

Ещё одно слово. «Продол».

— На продол. В коридор, — коротко пояснила Татьяна. — Сейчас проверка.

Алина вышла следом за ней и огляделась.

Перед ней тянулся длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались одинаковые металлические двери. За каждой находилась камера.

Этот коридор на тюремном языке и назывался «продолом». Здесь заключённых выводили на проверки, отсюда уводили к врачам, на следственные действия и обратно в камеры. Здесь постоянно слышались шаги сотрудников, звон ключей и лязг открывающихся замков.

Каждое утро заключённых поочерёдно выводили из камер и сверяли со списками. Фамилия, имя, отчество. Статья. Срок. Вопросы о состоянии здоровья, жалобах и запрещённых предметах.

Татьяна привычно заняла указанное место. Алина встала рядом.

Кроме них на продоле никого из заключённых не было. Только сотрудники изолятора.

Началась проверка.

— Фамилия, имя, отчество?

— Воронцова Алина Владимировна.

— Статья?

— Сто пятьдесят девятая, часть третья.

— Срок?

Алина на секунду задержала дыхание. Странно было произносить собственный срок так же буднично, как фамилию.

— Один год лишения свободы.

Ещё несколько вопросов. Есть ли жалобы на здоровье? Травмы? Запрещённые предметы?

Алина всё-таки решила спросить:

— Скажите, пожалуйста, а почему меня сюда перевели?

Сотрудники изолятора посмотрели на неё и один из них ответил:

— У тебя на флюорографии затемнение обнаружили. Поэтому сюда и перевели.

Алина замерла.

— Какое затемнение? Что это значит?

— В лёгком. Подозрение на туберкулёз.

Несколько секунд Алина просто смотрела на неё. «Только этого мне не хватало» — пробежало в голове.

Вот теперь вчерашний перевод наконец получил объяснение.

Поэтому её забрали из прежней камеры.

Поэтому перевели в другой корпус.

Поэтому поселили сюда, к Татьяне.

Только самой Алине никто ничего не сказал.

Вчера её просто заставили собрать вещи и повели за собой.

— Подождите… Какой туберкулёз? У меня нет туберкулёза. Я здорова.

— Есть затемнение на снимке. Теперь будут обследовать.

— Но откуда оно у меня могло взяться?

— Воронцова, потом будете выяснять. Сейчас проверка.

Вот и весь разговор.

Алина ещё хотела что-то спросить, но проверка продолжалась.

Проверили Татьяну. Что-то отметили в списках.

— Заходим.

Татьяна первой шагнула обратно в камеру.

Алина — за ней.

Клац.

Дверь закрылась.

Алина залезла на шконку.

Ещё вчера главным ужасом для неё было само слово «СИЗО». Сегодня к нему добавилось новое: «туберкулёз». Ещё минуту назад её главной реальностью был один год лишения свободы. Теперь рядом с ним появилась новая неизвестность.

Но теперь она знала, почему оказалась здесь. Затемнение. Подозрение на туберкулёз. Алина пока даже не представляла, что за это «затемнение» ей ещё придётся бороться…

Клац.

Открыли соседнюю камеру. Знакомый металлический звук.

Алина невольно прислушалась. Голоса. Вопросы. Фамилии. Статьи. Сроки.

Потом снова: Клац.

Закрыли.

Шаги двинулись дальше по продолу.

Следующая камера.

Клац.

Снова голоса. Снова проверка. И так — дверь за дверью.

Только теперь Алина поняла, как это устроено. Открывали одну камеру. Выводили тех, кто в ней находился. Проверяли. Заводили обратно. Закрывали. И шли дальше. Всё последовательно. По списку. Камера за камерой. Человек за человеком.

Алина села на шконку и ещё слышала, как проверка удаляется по коридору.

Клац. Пауза. Голоса.

Клац. Шаги. И снова: клац.

Вчера этот звук пугал её своей неизвестностью.

Сегодня она уже начинала понимать, что он означает.

Для Алины приговор понемногу превращался в новую биографию: Воронцова Алина Владимировна. Статья 159, часть 3. Один год лишения свободы.

Ещё недавно, если её просили рассказать о себе, она могла сказать: Юрист. Риелтор. Мама двух сыновей. Жена. Дочь.

Здесь всё это никого не интересовало. Здесь, казалось, достаточно было трёх вещей: кто ты, по какой статье и сколько тебе сидеть.

Только сейчас она вдруг задумалась, сколько людей находится за этими одинаковыми железными дверями. За каждой дверью была своя камера. А в каждой камере — свои люди. Своя статья. Свой срок. Своя история о том, как человек оказался здесь.

И где-то за пределами этих стен — свои дети, матери, мужья, жёны. Те, кто тоже ждал.

Ещё несколько дней назад Алина даже не задумывалась, сколько человеческих жизней может одновременно скрываться за одним тюремным коридором.

Снаружи видишь здание. Стены. Решётки. Колючую проволоку. А внутри — десятки закрытых дверей.

И за каждой кто-то живёт свою отдельную жизнь, которую снаружи никто не видит.

Тюрьма не просто забирала привычную жизнь.

Она понемногу заставляла учить новый язык. И теперь Алине предстояло выяснить, откуда на её снимке взялось это чёртово затемнение.

Глава 14
Правила чужого мира

Молчание прервала Татьяна:

— Слушай меня, первоходка, — сказала она. — Если чего не знаешь, лучше сначала спроси.

Алина посмотрела на неё.

— У тебя?

— Хотя бы у меня.

И впервые за эти два дня новое тюремное слово не только напугало её. Оно определило её место. Первоходка.

Вчера она была Алиной Воронцовой. А сейчас – первоходка. Этого слова было достаточно, чтобы рассказать о ней самое главное: она ещё ничего не знает.

— Здесь по-другому надо жить, — продолжила Татьяна. — Дружбы здесь нет. Если человек тебе полезен — общаешься. Не полезен — зачем он тебе?

Алина смотрела на неё.

— У меня не так.

Татьяна усмехнулась.

— Будет так, вот посмотришь, — уверенно отпарировала кратка.

За следующие несколько дней Татьяна успела объяснить Алине десятки вещей, о которых та раньше даже не задумывалась.

Где вставать, когда открывается дверь.

Когда лучше не задавать лишних вопросов.

Какие вещи нельзя оставлять без присмотра.

Почему нельзя сразу верить всему, что рассказывает человек о себе и своём деле.

Почему здесь не стоит слишком много говорить о семье, деньгах и том, что осталось дома.

— Вообще поменьше про себя рассказывай, — говорила Татьяна. — Сегодня ты с человеком нормально общаешься, завтра поругались, расстались — и всё, что ты ему рассказала, уже гуляет по хате.

Оп, опять новое слово.

— По какой «хате»? — не совсем поняла Алина.

— По этой. – Она обвела рукой камеру. – Хата — это камера.

На воле для Алины хата была домом. Местом, куда возвращаются. Где закрывают дверь от чужих. Где стоят твои вещи. Где можно остаться одному.

Здесь этим же словом называли камеру. Железные шконки. Решётка на окне. Туалет за низкой перегородкой. Дверь без ручки с твоей стороны. И человек рядом, от которого невозможно уйти, даже если вы больше не хотите разговаривать.

— Для сотрудников — камера. Для нас — хата, – продолжила Татьяна.

Алина усмехнулась.

— Я скоро словарь заведу.

— Не понадобится, — сказала Татьяна. — Через месяц сама так разговаривать будешь.

— Не буду. Не хочу брать в лексикон эти словечки.

— Будешь.

Татьяна посмотрела на неё с тем выражением, которое Алина уже начинала узнавать.

Где-то в глубине души она действительно начала признавать: половины местных правил она действительно не знала.

Она отвернулась. Её раздражал этот снисходительный тон Татьяны.

Почему-то очень хотелось доказать, что хотя бы язык у неё этот мир не отнимет.

Она ещё не знала, как быстро слова становятся привычными, если каждый день вместе с ними живёшь.

Шконка. Тубанар. Первоходка. Кратка. Продол. Хата.

Тюрьма понемногу получала для неё названия.

А всё, у чего появляется название, перестаёт быть совершенно чужим…

Татьяна продолжала объяснять Алине местные правила.

Иногда между делом. Иногда так, будто речь шла о вещах, которые любой нормальный человек обязан знать с рождения.

— И ещё запомни: передачка твоя — значит, твоя.

— В смысле?

— В прямом. Мама тебе принесла, муж тебе принёс — ты никому ничего не должна. Не раздавай всё подряд.

Алина удивилась.

— А я думала, здесь принято делиться. Да и не особо раздаю.

— Раздаёшь. Я смотрю на тебя. То салат, то конфеты, то ещё что-нибудь. Тебе принесли — ты сразу: «Будешь? Возьми».

Алина пожала плечами.

— Ну и что? Мне не жалко. Я не могу есть, когда рядом сидит кто-то, он ведь тоже хочет.

Татьяна посмотрела на неё уже без усмешки.

— Дело не в том, жалко тебе или нет. Ты подумай, откуда эта передача взялась.

Алина замолчала.

— Тебе кажется, пакет сюда сам приехал? Твоя мать или твой муж пошли в магазин. Деньги потратили. Выбирали, что тебе можно, что нельзя. Потом всё это тащили сюда. Стояли, ждали, передавали. Правильно?

— Правильно.

— А дома у тебя дети.

Алина подняла на неё глаза.

— Вот именно, — продолжила Татьяна. — Может, твой муж эти деньги мог на ребёнка потратить. Мать твоя могла себе что-нибудь купить. Но они от себя оторвали и тебе сюда принесли. Потому что ты их человек. Потому что ты им нужна.

Алина посмотрела на пакет с продуктами. Она раньше об этом так не думала. Для неё передача была связью с домом. Огурцы. Помидоры. Конфеты. Чай. Мыло. Предметы личной гигиены. Какая-то мелочь, которую на воле она бросила бы в корзину магазина и через минуту забыла.

Здесь всё это вдруг приобретало другую цену.

Не ту, что была написана на ценнике.

За каждой вещью стоял кто-то из её семьи. Мама. Муж. Дети. Время. Деньги. Дорога. Ожидание. И мысль о ней.

— А ты берёшь то, что твои близкие от себя оторвали, — продолжала Татьяна, — и отдаёшь человеку, которого второй день знаешь. Зачем?

— Если человеку тоже хочется…

— А твоя семья для кого старалась? Для неё?

Алина ничего не ответила.

— Ты этих людей вообще не знаешь, Алин. Сегодня человек с тобой в одной хате. Завтра его увели. Всё. Больше никогда не увидишь. С кем-то сутки посидишь. С кем-то три дня. С кем-то месяц. А кто-то сегодня твой салат ест, а завтра тебя же и подставит.

— Не все же такие.

— Конечно, не все. Только ты откуда знаешь, кто какой?

Алина молчала.

— Вообщем, если хочешь — делись. Не хочешь — не делись. Дело твое. Но и от человека, с которым ты поделилась, обратной такой же реакции не жди. Не факт, что он потом с тобой поделится.

Вот здесь возразить было нечего. Она действительно не знала. Ни Татьяну. Ни женщин из первой камеры. Никого. Она знала только то, что они сами успели ей о себе рассказать. А правда это или нет — проверить было невозможно.

Татьяна кивнула на продукты.

— Человеком тут тоже никто не запрещает оставаться. Просто думай головой сначала. Это не просто твоя конфета. Не просто колбаса. Не просто помидор.

Она помолчала.

— Это тебе из дома принесли.

И эти три слова вдруг прозвучали для Алины совсем иначе.

Из дома.

Там Ярик. Кирилл. Артём. Мама.

Там они продолжают жить без неё.

Покупают продукты.

Собирают пакеты. Узнают, что разрешено передавать. Что не примут.

Что купить в следующий раз. Что нужно вынуть из упаковки.

Каждую конфету — развернуть. Одну за другой. Снять фантик и сложить конфеты в прозрачный пакет. Печенье — освободить от магазинной упаковки. Чай — высыпать из коробки. Сахар — пересыпать. Всё подготовить так, чтобы передачу приняли и не вернули обратно из-за какой-нибудь мелочи.

Алина представляла эту картину дома. Вот мама сидит за столом. Перед ней пакет конфет. Она разворачивает первую. Вторую. Десятую. Двадцатую. Шуршат фантики. Раньше мама просто принесла бы эти конфеты к чаю. Ярик мог бы пробежать мимо, стащить одну и тут же развернуть. Кирилл взял бы несколько. Артём сказал бы: «Оставьте хоть матери». И все бы засмеялись. Теперь никто не смеялся. Теперь мама разворачивала конфеты для дочери, которая сидела за железной дверью. Артём ездил по магазинам и уже смотрел на продукты не так, как раньше. Не «вкусно — невкусно». А: Примут? Можно такое? Не завернут передачу? Потом всё это нужно было собрать. Привезти. Передать.

И ждать, пока пакет пройдёт туда, куда сами они пройти не могли. До Алины.

И тут она задумалась: а всё ли вообще до неё доходит?

Передачу ведь не вручали ей из рук в руки мама или Артём. Они отдавали её там. А дальше она проходила свой путь уже без них.

Внутри передачи разносили такие же осуждённые. И Алина никак не могла знать, что именно положила мама утром в пакет и в каком количестве. Она видела только то, что в конце концов оказывалось перед ней. Может быть, всё. А может быть, нет.

Иногда она перебирала продукты и пыталась представить: Мама точно положила бы больше конфет. И тут же останавливала себя. А вдруг не положила? А вдруг не приняли? А вдруг что-то нельзя было передать? А вдруг ей просто показалось? А вдруг не оказалось лишних денег? Позвонить домой и сверить каждую пачку, каждый помидор, каждую конфету возможности не было. Поэтому доказать что-либо она не могла.

Но сама мысль не отпускала.

Наверное, поэтому слова Татьяны про передачку стали звучать ещё жёстче:

— Вот ты раздаёшь направо и налево. А ты даже не знаешь, сколько твои тебе сюда положили и сколько до тебя дошло. Может, мать последнюю конфету тебе купила. А ты её человеку отдаёшь, которого второй день знаешь.

Алина посмотрела на неё.

— Думаешь, из передач могут пропадать продукты?

Татьяна пожала плечами.

— Я тебе ничего не говорила. Я тебе другое говорю: цени то, что до тебя дошло.

И эта фраза Алине запомнилась. Потому что дома продукты измерялись килограммами, упаковками, ценами. А здесь всё измерялось иначе. Дошло — не дошло. И если до тебя дошла одна конфета, ты уже никогда точно не знала, была ли она одной из десяти. Или одной из двадцати. Но точно знала другое. Кто-то с той стороны стены положил её в пакет именно для тебя.

Наверное, поэтому слово «передачка» очень быстро перестало означать для неё просто еду. Это было домашнее, которое каким-то чудом проходило сквозь решётки. Огурец с домашнего стола. Мамина конфета. Её руки, складывающей всё в пакет. Чай, который выбирал Артём. Мыло, которое кто-то держал в руках ещё там, на воле. И когда Алина открывала очередной пакет, она всё чаще думала не о том, сколько в нём продуктов. Она думала о том, сколько в нём чужого времени, сил и любви.

Татьяна была права. Эти вещи не появлялись здесь сами.

Чтобы у Алины вечером была одна конфета, кто-то на воле сначала должен был купить её. Заработать на неё. Принести домой. Сесть за стол. Развернуть. Положить в пакет. А потом привезти к стенам изолятора.

И, возможно, именно поэтому даже самая обычная конфета здесь становилась дороже, чем на воле целая коробка.

И каждый такой пакет означал одно: «Мы о тебе помним».

Татьяна посмотрела на неё.

— А теперь прежде чем что-нибудь кому-нибудь отдавать, спроси себя: этот человек стоит того, чтобы я оторвала это от своих близких?

Алина нахмурилась.

— Но они уже отдали это мне.

— Вот именно. Тебе.

Татьяна выдержала паузу.

— Не всей хате.

Алина невольно улыбнулась.

— Усвоила?

— Усвоила.

Татьяна откинулась на шконку.

— Вот и хорошо. А то первоходки приезжают — им кажется, сейчас со всеми подружатся. Последнее раздадут. А потом сидят без всего.

И всё же через несколько минут Алина достала помидор. Разрезала его. Потом огурец. Сделала салат. Поставила перед собой.

Посмотрела на Татьяну.

— Будешь?

Татьяна рассмеялась.

— Ты вообще меня слушала?

— Слушала.

— И?

Алина подвинула к ней половину салата.

— Это мой выбор.

Татьяна посмотрела на неё несколько секунд.

Потом взяла вилку.

— Ладно. Вот это уже другое.

Алина улыбнулась. Пожалуй, именно это правило она и была готова принять.

Не стать жадной. Не перестать делиться. Не начать видеть врага в каждом человеке. А просто помнить: если ты отдаёшь — это должен быть твой выбор. Не обязанность. Не страх показаться жадной. Не попытка купить дружбу.

Потому что передачка начиналась не у тюремного окошка. Она начиналась дома. С людей, которые тебя любят.

— У мужиков есть свои порядки, — продолжала Татьяна, — часть они могут отдать на общий котёл. А здесь никто не имеет права залезть в твою передачку и сказать: «Давай сюда».

— На какой котёл?

Татьяна вздохнула.

— Господи, сколько же тебе ещё объяснять…

Алина улыбнулась:

— Я предупреждала, что мне словарь нужен.

— Котёл — общее. Еда, чай, сигареты — что собирают вместе и потом используют на всех или на тех, кому надо. Поняла?

Ещё одно слово. «Котёл».

Алина запомнила.

Татьяна продолжила:

— У нас такого обязательного нет.

Это правило Алине понравилось. Она любила делиться.

Но между «я хочу дать» и «я обязана дать» для неё всегда была огромная разница.

— И наоборот тоже запомни, — сказала Татьяна. — Тебе здесь никто ничего не должен.

— Я поняла.

— Нет. Пока не поняла. Если у тебя ничего нет, никто не обязан тебя кормить из своей передачки. Дали — спасибо. Не дали — не обижайся. Здесь каждый сам за себя.

Последнюю фразу Татьяна произносила особенно часто. Каждый сам за себя.

Сначала Алине она не нравилась. Слишком жёсткая. Слишком чужая.

Но чем дольше она находилась за железной дверью, тем яснее становилось: здесь действительно нельзя рассчитывать, что кто-то обязательно подстрахует, поможет тебе.

Сегодня тебе дали кусок колбасы. Завтра — нет.

Сегодня взяли для тебя порцию, пока ты спала. Завтра прошли мимо.

Сегодня назвали подругой. Через неделю могут даже не поздороваться.

— И ещё самое главное, — сказала однажды Татьяна. — Отвечай только за себя.

— Это как?

— Вот увидела ты, что кто-то что-то делает. Решила: раз ей можно, значит, и мне можно. Сделала. Потом к тебе пришли и спрашивают: «Воронцова, ты зачем это сделала?» Что отвечать будешь?

Алина пожала плечами.

— Что видела, как другие делают.

— Вот так никогда не говори.

— Почему?

— Потому что тебя спрашивают про тебя.

Татьяна ткнула пальцем в её сторону.

— Не надо: «А вот она тоже…», «А вот у неё…», «А почему ей можно?..» Ты за неё не отвечаешь. Она сама за себя ответит.

Алина задумалась.

— То есть если я нарушила, то это мой косяк?

— Вот. Начинаешь соображать.

— Даже если так делают все?

— Хоть вся хата. Поймали тебя — отвечаешь за себя.

Татьяна помолчала и добавила:

— И чужие фамилии лишний раз не называй.

Вот это Алина запомнила особенно хорошо.

На воле всё было иначе. Если на работе человеку делали замечание, первая реакция часто была: «А почему мне? Вон другие тоже так делают».

Здесь подобный ответ означал совсем другое. Здесь фраза «а вот она тоже» могла втянуть в неприятности другого человека.

И этого не прощали.

— То есть если меня спрашивают, что делала я…

— Про себя и говоришь.

— А если спрашивают про другую?

Татьяна посмотрела на неё.

— Не видела. Не знаю. За собой смотрела.

Алина усмехнулась.

— Удобно.

— Зато жить проще.

За несколько дней в голове Алины уже складывался целый свод правил, которых никто не выдавал вместе с матрасом и казённой кружкой.

Не обязана делиться своей передачей. Если поделились с тобой — не считай это обязанностью другого человека.

Не бери чужое без спроса. Взяла в долг — верни.

Пообещала — сделай.

Не рассказывай о себе всё подряд.

Не считай каждую доброту дружбой.

Не оправдывай свой поступок чужим.

И если спрашивают за тебя — отвечай за себя.

— На воле можно завтра трубку не взять, — усмехнулась Татьяна. — А здесь завтра мы опять проснёмся в одной камере.

Постепенно Алина начала понимать ещё одну особенность этого мира: из него почти невозможно было уйти от конфликта.

Дома можно хлопнуть дверью. Сесть в машину. Уехать. Не отвечать на звонки.

Здесь после ссоры человек оставался в двух метрах от тебя. Ел рядом. Спал рядом. Ходил в тот же туалет. Просыпался рядом утром. Поэтому мелочи здесь очень быстро переставали быть мелочами. Даже место на столе. Даже кружка. Даже кусок мыла. Даже то, кто сегодня моет пол.

Алина слушала. Что-то принимала сразу. С чем-то внутренне спорила. А что-то казалось ей слишком жёстким. Особенно одно: каждый сам за себя.

С этим она пока не соглашалась.

Она ещё продолжала брать Татьяне вторую порцию еды, если та спала.

Продолжала делить пополам помидоры из передачи.

Продолжала спрашивать:

— Будешь салат?

И Татьяна неизменно отвечала:

— Буду.

Очень скоро Алина увидит, что Татьяна сама живёт ровно по тем правилам, которым её учит.

Когда однажды проспит уже Алина, второй тарелки на столе не окажется.

И тогда Алина поймёт, что слова «каждый сам за себя» здесь не просто тюремная поговорка, а одно из правил выживания.

Но были и другие, негласные правила, о которых новичкам никто не рассказывал. Их приходилось узнавать самостоятельно, иногда на собственных ошибках.

Одно из них касалось возможностью пользоваться телефоном.

Мобильные телефоны в изоляторе были запрещены. Но Алина довольно быстро поняла: между тем, что запрещено, и тем, без чего люди здесь не могли жить, существовала огромная пропасть.

Телефоны тут были, только доступ к ним имели далеко не все. Нужно было знать, к кому обратиться, кому можно доверять и что впоследствии могут потребовать за такую услугу.

Телефон означал голос ребёнка. Мужа. Матери. Несколько минут жизни оттуда. Из мира, в котором тебя пока ещё помнят.

Когда Татьяна впервые заговорила об этом, она сразу обозначила правило:

— Если телефон заходит в камеру, сначала разговариваю я.

Алина посмотрела на неё.

— Почему сначала тебе?

— Потому что я так сказала.

— Это не ответ.

Татьяна прищурилась.

— Потому что я кратка, здесь дольше. У первоходов должно быть уважение к старшим.

— А в чем неуважение? Почему телефон сначала тебе?

Татьяна посмотрела на неё и усмехнулась:

— Характер у тебя, первоходка, я тебе врежу!

Алина уже начинала понимать: не всё, что Татьяна называла тюремным правилом, действительно было правилом.

Иногда это было просто правило Татьяны.

Ей хотелось быть первой.

Первой знать.

Первой решать.

Первой пользоваться тем, что появлялось в камере.

И свой тюремный опыт она иногда использовала как аргумент, который, по её мнению, не требовал продолжения: «Я кратка. Ты первоходка. Значит, я знаю лучше».

Поначалу Алина не спорила по каждой мелочи. Она присматривалась. Запоминала. Отделяла полезное от попыток ею командовать. Татьяна действительно знала много. И многое из того, чему она учила, потом Алине пригодится. Но подчиняться только потому, что кто-то оказался здесь раньше неё, Алина не собиралась.

Глава 15
Свои среди чужих

У Татьяны не было передач. У Алины были. Мама и Артём приносили продукты, вещи, предметы первой необходимости. Каждая передача для Алины была почти событием.

Она разбирала пакет и по передаче представляла руки тех, кто его собирал. Иногда даже не нужно было гадать. На описи. На прозрачных пакетах оставались маленькие записки или подписи — что где лежит, сколько. И Алина сразу узнавала знакомый почерк. Мамин. Она могла узнать его из тысячи. Те же буквы, которые видела всю жизнь: на записках на кухне, на поздравительных открытках, на каких-то списках и бумажках, оставленных на столе. Только теперь мамин почерк был здесь. За решёткой.

Алина проводила пальцем по буквам и представляла, как мама сидит дома и собирает для неё эту передачу. Вот раскрывает конфеты одну за другой. Вот пересыпает чай. Вот складывает продукты в прозрачные пакеты. Подписывает. Проверяет ещё раз — ничего ли не забыла. И от этого знакомого почерка иногда становилось тяжелее, чем от самой закрытой двери. Потому что несколько написанных маминой рукой букв мгновенно возвращали её домой. Туда, где её сейчас не было.

А вот это купил Артём. Он всегда выбирал продукты немного иначе, чем мама. Мама брала то, что считала полезным и нужным. Артём обязательно пытался положить ещё что-нибудь этакое.

Алина доставала очередной пакет и улыбалась:

— Ну это точно Тёма.

Иногда она представляла, как они собирали передачу всей семьёй. Артём раскладывает покупки на кухонном столе. Мама проверяет, всё ли разрешено. Кирилл стоит рядом и уже понимает, куда всё это поедет. А Ярик пока уверен, что мама далеко на работе.

— А это маме? — спрашивает он, увидев конфеты.

— Маме.

— А зачем так много?

— Чтобы ей вкусно было.

Ярик мог выбрать одну сам. Самую красивую. Не самую дорогую и не самую вкусную — просто ту, которая понравилась ребёнку.

— Вот эту маме положи. — И Артём клал.

А потом конфету приходилось развернуть. Фантик оставался дома. А сама конфета ехала к Алине. И она, конечно, не знала, какую именно выбрал Ярик. Но иногда брала одну из пакета и вдруг думала: А вдруг эту? И тогда не ела сразу. Держала в руке. Рассматривала. Будто по обычной конфете можно было угадать прикосновение маленьких пальцев. Кирилл помогал иначе.

Он мог спросить у Артёма:

— Это можно передавать?

Мог помочь разложить продукты. Подержать пакет, пока взрослые пересыпают чай. Что-нибудь принести. Что-нибудь проверить.

И, возможно, именно Кирилл напоминал:

— А мама это любит.

От этой мысли у Алины сжималось горло. Потому что старший сын не мог обмануть себя словом «командировка». Он знал, куда собирается этот пакет. Знал, почему нельзя просто приехать к маме вечером. Знал, почему конфеты нужно разворачивать, продукты перекладывать, а потом отдавать чужим людям. И всё равно помогал.

А Артём, наверное, старался делать всё буднично. Чтобы дети не видели, как ему самому тяжело.

— Так, это сюда. Это можно. Это не берём. Я завтра отвезу. — Обычные домашние фразы.

Только собирали они не сумку в дорогу. Они собирали передачу в СИЗО.

В словах Татьяны была своя правда: передачка — это труд и забота семьи, и раздавать её направо и налево не нужно. Но и сидеть рядом с человеком, есть помидоры, конфеты или колбасу и ни разу не предложить ей Алина не могла. Это было не про тюремные правила. Так её воспитали.

Поэтому, если Татьяна спала, когда приносили еду, Алина брала две порции. Одну себе. Вторую ставила для неё.

— Тань, вставай. Поесть принесли.

— Потом.

— Остынет.

— Пусть стоит.

Алина накрывала тарелку чем-нибудь и оставляла. Иногда Татьяна просыпалась через час.

— Это мне?

— Тебе.

И ела. Даже спасибо говорила не всегда. Алина сначала не обращала внимания. Подумаешь.

Но однажды раздачу проспала она сама. Проснулась от звяканья ложки. Татьяна сидела за столом и ела. Перед ней стояла одна тарелка. Алина приподнялась на шконке.

— Еду уже приносили?

— Ага.

— А моя где?

Татьяна даже не повернулась.

— Не знаю.

— Ты мне не взяла?

— Нет.

Алина несколько секунд смотрела на неё.

— Почему?

Татьяна пожала плечами.

— Ты спала.

И продолжила есть.

Алина ничего не сказала.

В конце концов, Татьяна действительно не была обязана брать ей еду. Она сама это объясняла: «Здесь тебе никто ничего не должен».

Только неприятно было другое. Когда спала Татьяна, две тарелки почему-то казались само собой разумеющимся. Когда спала Алина — правило мгновенно менялось.

Через несколько дней ситуация повторилась. И на этот раз Алина уже не стала искать оправдания. Она просто запомнила.

А потом стала замечать и другие мелочи.

— Алин, пол грязный.

— Вижу.

— Ну так помой.

Алина посмотрела на Татьяну.

— Я вчера мыла.

— И что? Тебе сложно? — недовольным тоном спрашивала Татьяна.

Через некоторое время появилось другое. На кровать Татьяны упал с верхней шконки волос Алины. Казалось бы, мелочь, о которой даже говорить не стоит. Но нет. Татьяна нашла повод снова показать свое превосходство.

— Волос убери.

— Где?

— На шконке.

Алина посмотрела. На краю матраса лежал один ее короткий волос. Алина сняла его. Промолчала.

Потом оказалось, что кружка стоит не там.

Полотенце висит не так.

Расчёска лежит не на том месте.

После умывания на раковине остались капли воды.

— Ты за собой вытирай, — сказала Татьяна.

Алина вытерла.

На следующий день Алина увидела воду на раковине после Татьяны.

Ничего не сказала. Она пока наблюдала.

Ей вообще было интересно, как быстро человек, который несколько дней назад объяснял: «Здесь каждый отвечает только за себя», — начал отвечать ещё и за Алину.

Где должна стоять её кружка. Как должна лежать её одежда. Когда ей мыть пол. Где должен висеть её полотенец.

Татьяна всё чаще говорила не:

— Алин, можешь убрать?

А:

— Убери.

Не:

— Давай сегодня ты помоешь?

А:

— Помой.

Не:

— Тебе не трудно?

А:

— Сделай.

И каждый раз Алина чувствовала внутри маленький укол раздражения. Но пока молчала. Не хотелось устраивать скандал из-за тряпки. Из-за волоса. Из-за кружки. Из-за тарелки еды. Тем более Татьяна действительно многое ей объяснила. Что такое продол. Что такое хата. Кто такая первоходка. Кто такая кратка. Как здесь относятся к передачам. Почему нельзя отвечать за чужие поступки. Почему не стоит сразу считать каждого человека другом.

Алина слушала. Запоминала. Училась. Но постепенно начинала понимать ещё одну вещь, которой Татьяна почему-то не озвучила среди своих тюремных правил: если ты однажды позволил человеку командовать собой в мелочи, очень скоро он решит, что может командовать тобой во всём.

А этого Алина не умела терпеть ни на воле, ни здесь.

В следующий раз, когда Татьяна спала во время раздачи, Алина подошла к двери. Получила одну тарелку. Поставила её перед собой. И начала есть.

Татьяна проснулась позже. Посмотрела на стол.

— А мне? – спросила она.

— Что? – ответила Алина, понимая, что речь идет о тарелке супа и чае.

— Еду мне не брала?

— Нет.

— Почему?

Алина подняла на неё глаза.

— Ты спала.

Татьяна сразу поняла.

— Обиделась, что ли?

— Нет.

— А чего тогда?

Алина пожала плечами.

— Ты же сама меня учила. Здесь никто никому ничего не должен.

На лице Татьяны мелькнуло раздражение.

Алина продолжила есть.

— Хочешь жить так — давай так.

Татьяна ничего не ответила.

Но с этого дня между ними что-то изменилось. Совсем немного. Пока ещё без ссоры. Без крика. Просто каждая начала внимательнее смотреть на другую.

Татьяна проверяла, насколько далеко может зайти. А Алина — сколько ещё готова пропустить мимо ушей. И предел уже был близко.

Татьяна была права в одном: здесь действительно приходилось учиться жить по-другому.

Алина не боялась Татьяны, но ссориться из-за каждой мелочи ей казалось глупым. Было такое ощущение, будто у камеры появилась хозяйка…

После передачи из дома у Алины появилось немало продуктов. В камере было тесно, места для хранения почти не было, поэтому часть пакетов она оставила на общем столе.

Татьяна сначала ничего не говорила. Но вскоре начала придираться.

— Алин, ты чего тут всё заставила? — спросила она, окинув стол недовольным взглядом. — Мне уже чай попить негде.

— Тань, не придирайся, тут есть место.

Алина встала и сложила продукты более компактно.

— Ты вообще думай иногда, — продолжила Татьяна снисходительным тоном. — Это тебе не дома, где хочешь, там и раскладываешь. Здесь нас двое. Привезли тебе передачу, так ты тут целый магазин устроила.

Алина промолчала. Замечание было справедливым: стол действительно общий. Но тон Татьяны начинал раздражать. Тем более что Алина никогда не садилась за стол одна. Она всегда делилась с Татьяной продуктами, которые ей передавали из дома. Поэтому её придирки казались Алине особенно несправедливыми.

— Таня, вот ты чего? Поссориться захотела? Скучно тебе?

— Ты не огрызайся. Я тебе нормально говорю. Ты здесь недавно, многого ещё не понимаешь. Тебе говорят — ты слушай.

Алина остановилась.

— Я тебя услышала.

— Не похоже. На воле, может, ты и привыкла всё по-своему делать, а здесь придётся считаться с другими. И вообще, надоело уже по сто раз одно и то же объяснять.

Последние слова Татьяна произнесла с такой снисходительностью, словно разговаривала с несмышлёным ребёнком.

Алина встала и убрала все пакеты в сумку. Все до едина. Стол был свободен.

— Всё, Тань. Можешь пить чай.

— Ну наконец-то! Надо же, сколько раз сказать пришлось, чтобы до тебя дошло.

В этот момент вода в кружке закипела. Чайников в камере не было, поэтому женщины пользовались обычным электрическим кипятильником, который опускали прямо в кружку с

водой. Кипятильник тихо гудел, а на поверхности воды один за другим лопались крупные пузыри.

Алина посмотрела на кружку, затем перевела взгляд на Татьяну. Дело давно было не в продуктах. Алина замечала, что Татьяна всё чаще позволяла себе разговаривать с ней свысока, одёргивать по любому поводу, напоминать, что она здесь первоходка и без чужой помощи ничего не знает.

И для Алины именно последняя фраза Татьяны стала последней каплей.

Внутри у Алины что-то щёлкнуло.

Она подошла к Татьяне. Близко. Посмотрела ей прямо в глаза. И сказала тихо, без крика.

— Слушай ты, кратка. Ещё раз позволишь себе так со мной разговаривать, я вылью тебе кипяток в глаза. Поняла меня?

Татьяна перестала улыбаться.

— Я тебя услышала с первого дня. Я поняла, что ты здесь не первый раз, что знаешь больше меня. И за то, что объясняешь, — спасибо. Но не надо со мной разговаривать как с дурой. Я тебе не девочка, которую можно постоянно одёргивать. Не надо здесь командовать и постоянно меня унижать. Я могу ответить.

— Да ты чего завелась-то? Я же просто сказала…

Татьяна явно не ожидала такой реакции.

Маленькая женщина, которую Татьяна несколько дней называла первоходкой и понемногу приучала слушаться, просто стояла перед ней и смотрела в глаза.

— Уяснила? — переспросила Алина.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Да поняла я, поняла, — наконец ответила Татьяна. — Ничего тебе сказать нельзя.

— Сказать можно. Нормально разговаривать тоже можно.

Алина развернулась и полезла на свою шконку. Руки у неё слегка дрожали. Она спрятала их, чтобы Татьяна не заметила. Потому что никакого кипятка она не хотела ни на кого выливать. И сама не знала, смогла бы. Но одно Алина знала точно: если сейчас отступит, дальше будет только хуже, поэтому не считала, что сказала лишнее. Угрожать человеку кипятком раньше было не в её правилах, но она сама начинала замечать, как быстро менялись эти правила.

Татьяна ещё немного поворчала себе под нос, потом налила кипяток в кружку и села за стол.

До вечера они почти не разговаривали. Татьяна занималась своими делами. Алина — своими. В камере впервые за несколько дней стало непривычно тихо.

Никто не говорил:

— Убери.

— Подай.

— Помой.

— Сделай.

И только на следующий день Татьяна решила заговорить с Алиной первая.

Она поставила чайник. Возилась с кружками. Потом, не оборачиваясь, спросила:

— Чай будешь?

Алина подняла голову. Несколько секунд смотрела на неё.

— Буду.

Татьяна налила две кружки. Одну поставила перед Алиной. Они сели друг напротив друга. Пили чай. Сначала молча. Потом Татьяна сказала что-то совершенно постороннее. Алина ответила. Ни одна не извинилась. Ни одна не вернулась к тому разговору. Им не нужно было. Обе всё поняли.

Как ни странно, именно после этой ссоры им стало проще друг с другом ладить. Татьяна больше не пыталась командовать. Алина перестала ждать очередного замечания.

На следующий день Татьяна впервые сказала:

— Пол сегодня мою я, хочу, чтоб у нас было чисто.

Алина посмотрела на неё.

— Давай.

Так они начали делить между собой нехитрый быт, научились не лезть туда, где начиналась территория другой, и постепенно снова стали разговаривать. Сначала о мелочах. Потом о жизни. О мужчинах. О детях. О том, кто и как оказался здесь. Иногда смеялись так, что на несколько минут Алина почти забывала, где находится. Иногда они раздражали друг друга. Иногда спорили. Иногда могли замолчать на полдня. Но той борьбы за главенство между ними больше не было.

Татьяна наконец поняла: Алину не нужно воспитывать. А Алина поняла другое: за резкостью Татьяны не всегда стояло желание унизить. Во многом это был её способ выжить. Эти места научили её не просить, а требовать. Не ждать, а брать. Не привязываться слишком сильно к людям, которые завтра могут исчезнуть.

Наверное, поэтому отношения Алины с Татьяной изменились только после того, как каждая поняла, с кем имеет дело. Кратка перестала проверять первоходку на прочность. А первоходка перестала видеть в кратке только жёсткую женщину, которая пытается ею командовать.

Они подружились. По-тюремному странно. Без обещаний дружить всю жизнь. Без красивых слов. Ещё несколько дней назад Татьяна объясняла Алине: «Дружбы здесь нет». А потом сама же стала первым человеком за решёткой, с которым Алина по-настоящему сблизилась. Получалось почти нелогично. Кратка подружилась с первоходкой.

Ещё Алина усвоила очередное правило, которого Татьяна ей не рассказывала. В тюрьме очень быстро чувствуют, где проходят твои границы. И если ты сам их не обозначишь, кто-нибудь обязательно попробует сделать это за тебя.

Именно Татьяна первой показала Алине, что даже здесь человек не всегда оказывается тем, кем кажется в первые сутки. Алина ещё много раз убедится в этом. Потому что за следующими железными дверями её ждали новые люди. И один из них совсем скоро войдёт в её жизнь так, как она не могла представить даже в самых безумных мыслях. Его она пока не знала.

Глава 16
Тубанар

Каждое утро их водили за таблетками. Это быстро стало частью распорядка.

Открывалась дверь.

— За лекарствами.

Они выходили на продол и шли с сопровождением конвоя туда, где их выдавали.

Алина брала их в ладонь и каждый раз смотрела на них с одним и тем же чувством. Она понимала, зачем здесь так боятся туберкулёза. Закрытые помещения. Люди месяцами находятся рядом друг с другом. Тесные камеры, общие коридоры, этапы. Люди, находящиеся в местах лишения свободы, действительно рискуют заболеть туберкулёзом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.